

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Муму с аквалаангом

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Великолепная
восьмерка

от Дарьи Донцовой

**НУЖНО
СОБРАТЬ
САМОМУ!**

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Муму с аквалангом

«ЭКСМО»

2008

Донцова Д. А.

Муму с аквалангом / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2008 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Издательство «Элефант» решило преподнести роскошный подарок своему автору – Арине Виоловой! Значит, я, Виола Тараканова, пишущая детективы под этим псевдонимом, отправлюсь в... рай на земле. Не удивляйтесь, только так и можно назвать шикарный отель в чудесном греческом городке Флоридосе. Правда, отдыхать мне было некогда! Я опять оказалась втянута в жуткую интригу. Загадочные убийства, катастрофы в прошлом и настоящем прямо преследуют меня! А ведь я просто хотела помочь несчастной женщине, жертве давней автомобильной аварии, обрести память. Но поиск истины превратился в нескончаемый марафон – одна драма тянет за собой другую... Их так много! Где же истина? И пока я докапывалась до нее, оказалась еще и в центре скандала. И как теперь выпутываться?..

© Донцова Д. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Донцова

МУМУ С АКВАЛАНГОМ

Глава 1

Если на жизненном пути вам встретился хороший человек, то абсолютно неважно, какого цвета у него личный самолет...

Я вздрогнула и села в шезлонге, передо мной, насколько хватало глаз, простиралось бескрайнее, нереально синее море. Никогда ранее я не видела такой красоты и, честно говоря, полагала, что она существует лишь на рекламе шоколадных батончиков. Но нет, оказывается, есть на земном шаре места, похожие на сказку.

До сегодняшнего дня я не ездила на курорты. Один раз, правда, когда я была еще первоклассницей, моя мачеха Раиса, накопив на отдых, повезла меня в Крым. Многие люди всю жизнь вспоминают первую встречу с морем, которая произошла у них в детстве. Чаще всего малышей поражает красота юга, и они считают дни, проведенные на пляже, самыми счастливыми в своей жизни. Но у меня получилось иначе.

Сначала мы с Раисой тряслись в плацкартном вагоне, в котором было запрещено открывать окна. В свои семь лет я не была избалована, до того времени никуда не ездила по железной дороге, и мне даже в голову не могло прийти, что в составе есть купе с дверями, а полки в них застелены простынями. Вообще-то комплекты белья раздавали и в плацкартном, но Раиса заявила:

– Чай, не графья! Не фиг на одну ночь тратиться, одетыми поспим, зато сэкономим себе на фрукты.

К сожалению, наши ближайшие попутчики были военными. Едва поезд отошел от московского перрона, мужики вытащили бутылки, разложили нехитрую закуску и начали «отдыхать». Раиса моментально присоединилась к ним, а на следующий день от нее так несло перегаром и выглядела она столь ужасно, что даже проводница во всеулышание сказала:

– Ну ты, тетка, дала стране угля!

Прибыв на побережье, мы часов шесть искали дешевое жилье, и в конце концов мачеха выбрала общежитие одного из местных институтов. С нами в одной комнате, вернее в зале, заставленном койками, оказалось много женщин с детьми. Плюс к тому Раиса пожалела денег на отдельное спальное место и положила меня на одну кровать с собой.

Но самый большой шок я испытала, очутившись на пляже. Ни воды, ни гальки не было видно. На берегу повсюду лежали тела, а в море оказалось не войти – такое количество народа в нем плескалось.

Промучившись на отдыхе, я испытала невероятное счастье, вернувшись домой. Там у меня, по крайней мере, имелось личное раскладное кресло. А еще в квартире была ванна, где я впервые за месяц спокойно помылась.

Больше Раисе не удалось собрать денег на отдых, а я, даже став взрослой, не ездила к морю. Как-то не тянуло. Очевидно, слишком негативными оказались детские впечатления. Не отправилась бы и сейчас, но в начале июня мой бессменный редактор Олеся Константиновна вдруг сказала:

– Виола, издательство приготовило тебе подарок на день рождения.

Ах да, я, кажется, еще не представилась. Меня зовут Виола Тараканова, и я являюсь автором детективов, печатаюсь под псевдонимом Арина Виолова. Некоторое время назад я ушла из издательства «Марко» и теперь печатаюсь в «Элефанте». Вспоминать подробности

моего разрыва с первым издателем не хочется, да я уже рассказывала о некрасивой истории¹, стоившей мне кучу нервов и здоровья и в конце концов разрушившей мою семейную жизнь. Но, как часто случается, все плохое пошло мне на пользу.

Теперь я автор «Элефанта», а его хозяин, Гарик Ребров, стал моим близким другом. В «Элефант» пришла и Олеся Константиновна, поэтому я чувствую себя вольготно, несмотря на то, что редактор, как обычно, повторяет:

– Виола, постарайся не задерживать рукопись.

В «Элефанте» много активно пишущих авторов, здесь издаются Бусинова, Смолякова и другие обожаемые мною детективщицы. Но в отличие от владельцев «Марко», которые делают ставку лишь на двух-трех звезд, а остальным литераторам не стесняются демонстрировать свое пренебрежение, в «Элефанте» любого, даже начинающего писателя, окружают вниманием и заботой.

Более того, у Реброва есть отдел под названием «Техническая поддержка». Сначала я наивно полагала, что в нем работают люди, занимающиеся компьютерами, принтерами, факсами, телефонами и прочими механизмами, но потом мне стала звонить его сотрудница Ксюша и щебетать в трубку:

– Виолочка, добрый день, это Ксю из «Элефанта». Ой, я ехала сегодня в метро и стала считать людей с вашими книгами в руках. На сотом сбилась. Вы такая популярная!

Сначала я недоумевала: ну с какой стати Ксюша столь любезна? Потом решила, что она поклонница моего творчества. Кстати, мне с моим комплексом неполноценности до сих пор удивительно: неужели люди читают то, что я накропала? Но ведь «Элефант» не станет просто так выпускать книги! Ребров расчетливый бизнесмен, и никакие, даже самые нежные отношения с автором не заставят его работать себе в убыток. Значит, меня читают, а Ксю, в отличие от других людей, имеет возможность непосредственно общаться с любимым прозаиком.

Но потом я случайно стала свидетельницей того, как Ксю нахваливает Бусинову, говорит комплименты фантасту Болкову, тогда я сообразила: она просто очень приветлива. Более того – она крайне внимательна и умеет оказаться в нужном месте в нужную минуту. Всякий раз, когда Олеся Константиновна вызывала меня к себе и в корректной форме сообщала о многочисленных ошибках, допущенных мною в очередной рукописи, я встречала Ксению в коридоре, и она восклицала что-нибудь в таком роде:

– Ой, Виолочка Ленинидовна, подпишите книжечку для моей подруги! Уж извините, что мешаю, но ваши фанаты мне покоя не дают. Как узнают, что я вас иногда вижу, прямо одолевают!

Я, получившая пять минут назад от редактора очередной пинок по самолюбию и страдающая теперь комплексом неполноценности, моментально успокаивалась и ощущала себя Пушкиным или, по крайней мере, Артуром Конан Дойлем. Ксю была и остается настоящей палочкой-выручалочкой: у нее везде есть связи, она способна помочь в любой ситуации. Кто сумел поставить на учет в ГАИ мою новую машину? Кто раздобыл билеты на концерт заезжей эстрадной знаменитости? Кто посоветовал магазин, где продают модные и недорогие платья? Кто познакомил меня с замечательным стоматологом? Ответ один – Ксю. А еще она раза три-четыре в неделю звонит мне и спрашивает:

– Как дела? А настроение? Вау, Виолочка Ленинидовна, вчера вас по телеку одна актриса хвалила! Сказала: «Читаю только Арину Виолову».

Розовые очки с моего носа свалились случайно. Пару месяцев назад я забежала в «Элефант» без договоренности с Олесей или Гариком. Никакой необходимости в посещении издательства не было, просто мне захотелось в туалет (простите, конечно, за интимную подробность).

¹ Подробнее читайте в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

Не успела я запереться в кабинке, как раздался стук каблучков, а затем знакомый голос Ксю:

– Не реви!

– Ага, хорошо тебе, – проныл чей-то дискант, – а меня уволить пообещали.

– Сама виновата, – неожиданно жестко сказала Ксения. – Тебя зачем сюда взяли?

– На техническое обслуживание, – простонала собеседница. – Так я и стараюсь изо всех сил!

– Послушай... – слегка помягчел голос Ксю. – Задача нашего отдела облизывать писателя с ног до головы. Литераторы народ нервный и капризный, большая часть из них считает себя гениями и дико злятся, когда редактор делает справедливые замечания. Тебя Олеся предупредила, что она хочет попросить прозаика Манина переписать эпилог романа? Эй, Зоя, отвечай!

– Да, – захныкала та.

– Значит, тебе следовало поймать Манина у кабинета Олеси после его с ней беседы, расхвалить парня, прикинуться его фанаткой, попросить автограф... Короче, сделать так, чтобы он понял: он лучший из лучших, в «Элефанте» его обожают, а жесткий разговор с редактором всего лишь часть творческого процесса. Ты это сделала?

– Замешкалась немного, – призналась Зоя, – пошла макияж поправить.

– И Манин успел уехать необлизытым, – резюмировала Ксю. – Теперь далее. Ты не поздравила с днем ангела Бустинину и не позвонила ей после неприятной статьи в «Желтухе». То есть не почесала литераторше спинку, не успокоила ее. Одним словом, Зоя, либо исправляйся, либо и правда уходи. Любое издательство зависит от авторов, мы обязаны создать им комфортную психологическую обстановку. Для того и существует наш отдел технического обслуживания.

– Ой, да подумаешь, какой-то Манин... – негодуяще сказала Зоя. – Не нравится у нас, пусть уматывает! Очень они нужны, гении непризнанные... Тоже мне, цацы! «Элефант» других авторов найдет.

Снова застучали каблучки.

– О чем спорите, девочки? – спросил новый женский голос.

– Обсуждаем туфли Олеси Константиновны, – живо ответила Ксю. – Просто супер, а не обувь!

– Она шикарно одевается, – с плохо скрытой завистью отреагировала вошедшая. – Хотя на ее модельной фигуре все великолепно смотрится. Кто-нибудь хоть раз видел Олесю непричесанной? Она так следит за собой!

Когда, вдоволь посплетничав о моем редакторе, женщины ушли, я выползла из кабинки и уставилась в зеркало. Ай да Ребров! Отдел облизывания писателей! А я-то верила в искренность Ксю... Хотя следует отметить, что после бесед с ней на душе у меня всегда начинали петь соловьи. Во всяком случае комплекс мой точно затихал...

Ну да я отвлеклась, вернемся к моему дню рождения.

– Не очень принято заранее рассказывать о подарке, – улыбнулась Олеся, – но... Ты не планируй ничего на ближайшее время.

– Почему? – насторожилась я.

Олеся протянула мне конверт.

– Здесь ваучер на поездку в Грецию.

– Куда? – ахнула я.

Редактор засмеялась.

– Очень хотели тебя порадовать. Дарить какой-нибудь браслет или медальон показалось глупо. Пафосная авторучка или часы тоже не к месту. Насколько я знаю, ты пишешь копеечной

ерундой, а часы не носишь. Вот и родилась идея отправить любимого автора на отдых. Ты любишь море?

– Ну... э... да, – промямлила я, мигом вспомнив грязный крымский пляж и тесную койку в общаге, – я давно не ездила на курорты.

– Вот и отлично! – обрадовалась Олеся. – Через неделю улетишь.

– Уже? – испугалась я. – Но у меня нет загранпаспорта!

– Все тебе сделали, – хитро прищурилась редактор. – И документы, и билеты, и отель. Тридцать дней нирваны. Надеюсь, ты прихватишь с собой пачку писчей бумаги? Глядишь, привезешь новый роман.

Я растерянно молчала. Сотрудники «Элефанта» хотели как лучше... Ну не говорить же Олесе правду: что у меня элементарно нет ни малейшего желания отправляться на родину Гомера, да и вообще куда-либо.

Следующие семь дней я испытывала соблазн позвонить в «Элефант» и сказать:

– Огромное спасибо! Я так хотела слетать на море, но, увы, сейчас не могу, потому...

Почему? Достойной причины для отказа не нашлось. Действительно, что мне мешает? Не разрешает врач? Но в «Элефанте» прекрасно осведомлены: писательница Арина Виолова – молодая, здоровая во всех отношениях женщина. Дети требуют заботы? У меня нет отпрысков. Муж не отпустит супругу одну? Так и он отсутствует! Я не имею даже кошки, чтобы озабоченно воскликнуть:

– Некому киску пристроить!

Пришлось покориться.

День, когда за мной пришла машина издательства, из которой выскочила Ксю с радостным заявлением: «Ой, Виолочка Ленинидовна, я так хотела вас проводить!» – стал черной датой. В наимрачнейшем расположении духа я влезла в шикарный седан и приготовилась к тяготам поездки. Но все оказалось совсем не так, как в детстве.

Меня привезли не в забитый до отказа потными пассажирами зал, а в вип-зону, где не было ни одного человека. Ксю куда-то сбегала, появился парень в форме, взял мой паспорт, потом с улыбкой вернул его и сказал:

– Пойдемте в самолет.

– А чемодан? – растерялась я.

– Уже отправила его в багаж, – отрапортовала Ксю.

Меня под белы ручки провели в лайнер, усадили в маленьком салоне, отгороженном от основного отделения занавеской, и, едва я пристегнулась ремнем, железная птица незамедлительно взлетела. У меня сложилось впечатление, что пилот ждал лишь госпожу Тараканову, чтобы пуститься в путь.

В течение нескольких часов, проведенных в небе, две стюардессы безостановочно суетились вокруг меня: чай, кофе, сок, минеральная вода, коньяк, виски, водка, салат, курица, фрукты, пледы под все места, шесть фильмов на выбор, курите сколько хотите, не желаете ли посмотреть на работу пилота, сейчас принесем скамеечку под ноги, почешем спинку, сделаем массаж шеи... Я, придавленная заботой, тихо блеяла в ответ:

– Огромное спасибо, чрезвычайно благодарна, не стоит беспокоиться...

Уже после посадки одна из стюардесс робко попросила:

– Арина, подпишите книгу, моя мама ваша фанатка.

Я вытащила ручку и с легким подозрением посмотрела на стюардессу. Навряд ли она является сотрудницей отдела технического обслуживания «Элефанта», думаю, так далеко власть Гарика не распространяется. Может, и впрямь матушка любезной красавицы любит детективы Виоловой?

В Афинах меня встретила смуглая женщина, которая затараторила без пауз:

– Здравствуйте, я Ника Ставродис. Мы едем в отель. Нам придется провести в пути три часа. Впереди горы. Направляемся в местечко Флоридос². Посмотрите направо, там развалины храма... Гляньте налево, там развалины храма... Впереди развалины храма...

На двадцатом сообщении про руины у меня закружилась голова, и я решила деликатно перевести беседу в иное русло:

– Ника, вы великолепно говорите по-русски, «акаете», как москвичка.

Моя сопровождающая скорчила гримаску.

– Я в девичестве Соломина, родилась на Большой Полянке. В Грецию попала, выйдя замуж за Ставродиса. Долго, правда, с ним не прожила, уехала из Афин и теперь служу в раю.

– Где? – не поняла я.

Спутница с усмешкой посмотрела на меня.

– Флоридос. Город – мечта. Рай на земле.

– Понятно... – протянула я.

– Вы не знаете, куда купили путевку? – удивилась Ника.

– Нет, – честно призналась я. – Ну... в отель.

Экскурсовод закашлялась.

– И цена вас не поразила? – поинтересовалась она, справившись с приступом.

– Это подарок, – объяснила я. – От друзей, на мой день рождения.

– Круто! – присвистнула Ника. – Давай объясню, что такое Флоридос?

Очевидно, она поняла, что я не особо богата, поэтому разом отбросила «вы».

– Сделай одолжение, – в тон ей ответила я.

Последовал пространный рассказ.

Флоридос – крохотный городок, вытянувшийся вдоль побережья. Справа и слева населенный пункт окружают горы, поэтому знаменитые греческие ветра, сильно досаждающие как коренному населению, так и отдыхающим, как бы разбиваются о скалы, и воздух в долине освежает только легкий бриз. Тут триста пятьдесят дней в году светит солнце. Ну чем не рай? Роскошный климат привлек в небольшое поселение знаменитых и богатых. Здесь расположен один из самых лучших отелей мира, рассчитанный всего на сорок проживающих, к услугам которых предоставлено абсолютно все, любые желания постояльцев исполняются по свистку. Кто снимает апартаменты, является великой тайной. Персонал обращается к гостям по именам: мистер Владимир, мадам Елена, сэр, мэм, мисс, мадемуазель... Конечно, главный администратор, регистрируя гостя, заглядывает в паспорт, но он скорее даст отрубить себе руку, чем сообщит кому-нибудь подробности о приезжих. Отель гарантирует отдыхающим тишину и покой, никаких папарацци к нему на десять километров не подпустят. Очень много клиентов приезжает из России, поэтому в гостинице полно русской прислуги. Ясное дело, сюда берут не абы кого, с улицы, и не примут человека, ищущего работу через Интернет. Сладкое место с хорошим окладом и чаевыми, во много раз превышающими зарплату, получают лишь те, кто имеет безупречные рекомендации.

– Небось, все горничные – мисс мира? – улыбнулась я.

– Наоборот, – серьезно возразила Ника, – моложе сорока пяти никого нет. Руководство отеля не хочет неприятностей, которые неизбежно возникнут, если комнаты будут приводить в порядок юные красотки. Флоридос предназначен для семейного отдыха, медового месяца, реабилитации после депрессии и так далее. Одним словом, это очень буржуазный курорт. Если станет скучно, можно поехать в Сантири. Вот там зажигалово по полной программе – клубы, рестораны, танцы, девочки-мальчики... А Флоридос закрытый мир очень богатых и знамени-

² Городок выдуман автором. Здесь и далее любые совпадения в названиях городов и поселков, отелей, фирм, медикаментов, в именах известных людей случайны.

тых. Тебе понравится. Наверное, до сих пор ты ни разу не бывала в месте, где исполняются абсолютно все желания?

Глава 2

Ника оказалась права. Я, наивная, даже не предполагала, что на свете существуют подобные гостиницы. Ожидала увидеть высотное здание с мраморным холлом и рецепшен, где улыбается портье в форме, железные каталки для чемоданов, толпу постояльцев... Ну ведь так выглядят отели в кино!

Но меня прямо у машины встретила обаятельная дама неопределенного возраста, одетая в яркое платье.

– Добро пожаловать, госпожа Виола! – приветливо зачирикала она на русском. – Меня зовут Раиса, я местная волшебная палочка.

Ника мгновенно испарилась, а Раиса повела меня к небольшому бунгалу, куда кто-то, причем со сверхзвуковой скоростью, уже доставил мой багаж.

– Я займу ваше внимание на пять минут, – сладко пела Раиса. – Здесь четыре комнаты: спальни для дня и для ночи, гостиная, кабинет. Естественно, есть кухня с полным набором посуды, ванная, во внутреннем двореке небольшой бассейн и душ на открытом воздухе. Если хотите, можете пользоваться отгороженной территорией, она только ваша, имеется и общий пляж. Со всеми вопросами обращайтесь ко мне, вот мой номер... Телефон всегда включен, и днем, и ночью, звоните в любое время. Единственная незадача – на общем пляже сотовый плохо берет, но стоит вам отойти к лестнице, и будет чудесно слышно.

– Когда здесь обед и ужин? – робко спросила я.

– Когда пожелаете, – улыбнулась Раиса, – меню на столике в гостиной. Просто звоните мне и делаете заказ, еду доставят незамедлительно опять же куда захотите: к морю, в бунгалу. У нас есть и рестораны, они расположены в центральной части Флоридоса, в них ходят и наши постояльцы, и жители городка. Если хотите уединения – звоните мне. Есть желание потусоваться – тогда идите в рестораны. Сразу скажу: во Флоридосе нет случайных людей, только клиенты гостиницы и местный народ, хозяева пятнадцати вилл. Все достойные люди, фейс-контроль здесь тщательнее, чем в Кремле, легче, пожалуй, незаметно пробраться в кабинет президента, чем к нам в городок. Полиция тщательно следит за каждым посторонним, и транзитной дороги через Флоридос нет, сюда заезжают редкие люди.

– Понятно, – кивнула я.

– Кстати, совсем забыла спросить... Вам понравилась Ника? – поинтересовалась Раиса.

– Вроде да, – ответила я, – мы не успели познакомиться как следует.

– Она не утомила вас своей болтовней?

– Ну... нет.

– Можете уделить мне еще минутку? – наклонила голову набок Раиса.

– Конечно, – кивнула я.

– Ника проверенная сотрудница, – вздохнула Раиса, – но она слишком активна, не умеет молчать и способна надоесть юной прекрасной женщине, такой как вы. К тому же она, простите, уж я выражусь по-нашему, баба. Если пожелаете отправиться на экскурсию, то у меня есть для вас гид получше.

Не успела я глазом моргнуть, как Раиса поднесла к губам рацию и приказала:

– Иди сюда.

Через секунду в гостиную вошел парень лет двадцати. Я обомлела: красавчик да и только! Рост около метра восьмидесяти пяти, блондин с ярко-голубыми глазами, загорелой кожей и хорошо накачанными мышцами.

– Знакомьтесь – это Борис! – объявила Рая.

Юноша улыбнулся, и мне захотелось зажмуриться: похоже, у мачо шестьдесят четыре зуба, и все отбелены по полной программе.

– Боря имеет диплом московского медицинского училища, делает любой массаж, свободно владеет английским, замечательно плавает, – дoloжила Раиса.

Где-то я уже подобное слышала. Ах, ну да – «спортсменка, комсомолка, красавица».

– И он не болтлив, – продолжала «волшебная палочка», – идеальный спутник для молодой дамы, решившей отдохнуть вдали от дома, оттянуться, расслабиться, получить удовольствие... Вы меня понимаете?

Я икнула, попятилась и быстро сказала:

– Пусть Борис не обижается, но с Никой мне будет комфортнее.

Собеседница щелкнула пальцами, парень исчез с такой скоростью, что я не успела понять, куда он подевался.

– Именно Ника? – уточнила администратор. – Есть еще Елена. Эй, живет к нам...

Снова раздались тихие шаги, и в комнате материализовалась красотка в коротком халатике. Девушка словно сошла с рекламной картинки.

– Это наша Леночка, – запела Раиса, – у нее диплом медучилища, она роскошно делает массаж и...

– А мне говорили, что обслуживающий персонал тут почти пенсионного возраста, – от неожиданности ляпнула я.

– Вас привлекают зрелые особы? – озадаченно поинтересовалась администратор, одновременно делая рукой быстрое движение.

Лена правильно поняла ее жест и испарилась.

– Мне хочется просто отдохнуть, – я решила внести ясность в ситуацию, – одной, без компаньонов. В качестве гида подойдет Ника.

– Она великолепный специалист, знающий, опытный, женщина нормальной ориентации, без заскоков, – моментально стала хвалить Нику «волшебная палочка», – ну, может, слегка говорлива.

– Неплохое качество для экскурсовода, – отметила я.

– Отлично! – обрадовалась Раиса. – Рада пожелать вам, госпожа Виола, счастливого отдыха. Значит, если на экскурсию, то с Никой...

Два дня пролетели, как в сказке. Ровно в девять утра Раиса, приседая и кланяясь, вносила поднос с кофе, круассанами, джемом, сливками, геркулесовой кашей и свежавыжатым соком. Пока я нежилась на личном пляже, кто-то менял полотенца и постельное белье, расставлял повсюду вазы с цветами, тарелки с фруктами, пополнял в ванной шампуни, мыло, развешивал чистые халаты. В первый вечер, ложась спать, я нашла на подушке небольшую коробочку дорожного швейцарского шоколада и записочку, в которой каллиграфическим почерком была по-русски написана фраза: «Сладких вам снов, госпожа Виола».

Я села на матрас, развернула одну шоколадку, вторую, третью и... зарыдала. Никто, никогда не заботился обо мне столь трогательным образом!

Стоит ли упоминать о том, что пачка бумаги на массивном письменном столе в кабинете оставалась нераспечатанной. Те, кто встречается со мною не первый раз, хорошо знают: у писательницы Виоловой плохо с фантазией, она способна описывать только события, произошедшие в реальности. А какие преступления могут случиться в раю?

Сегодня, на третьи сутки блаженного ничегонеделания, я решила сходить на общий пляж. Взяла сумку и спустилась по лестнице на площадку с зонтиками. Впрочем, последних оказалось всего пять штук, и под каждым стояло два лежака с матрасами и подушками.

Я устроилась почти у самой воды, вытащила было детектив Бустиновой и через секунду поняла – читать я просто не способна. В воздухе разливается нега, над синим-синим морем парят какие-то птицы, от расположенного рядом бара упоительно пахнет кофе...

– Если вам на жизненном пути встретился хороший человек, то абсолютно неважно, какого цвета у него личный самолет, – повторил ранее произнесенную фразу тоненький голосок.

Я перевела взгляд в сторону. Под зеленым зонтиком лежали две стройные блондинки, лет по двадцать пять. Из уст одной из них и вылетела сейчас замечательная сентенция.

– Мужики нынче измельчали, – ответила вторая, – никакой заботы о женщине. Моего никогда дома нет. Мечется на самолете по маршруту Нью-Йорк – Лондон – Париж, а я тут тоскую в одиночестве.

– Аналогично, – подхватила другая девица. – Ну за фигом Петру третий миллиард? Двух вполне на нормальную жизнь хватит, нечего жадничать!

– Решили все деньги заработать, – простонала ее соседка. – Ну их в задницу! Давай, Нин, лучше о культуре побеседуем. Ну что мы безостановочно про мужиков шуршим...

– Хорошо, – согласилась Нина. – Слышь, Олесь, ты какую книгу недавно прочитала?

– Каталог яхт, – с готовностью откликнулась ее собеседница. – Очень увлекательно, заставляет думать. Представляешь, отделку салона можно заказать из красного дерева или из кожи. Какая лучше? Вот в чем вопрос!

– Петька строит яхту, – зевнула Нина. – Только за каким бесом она ему? Мотается за миллиардами по миру как заводной. А я, значит, буду одна на той яхте гнить?

– Гады они, – подхватила Олеся. – Мой манеру взял: прилетит сюда на уик-энд, брюликами меня зашвыряет и снова на работу.

– Гоблины!

– Мерзавцы!!

– Сволочи!!!

– Уроды!!!

После всплеска эмоций повисло молчание. Потом Нина протянула:

– Ну хватит про мужиков, давай о прекрасном. Ты где сумку брала?

– С кнопками? – оживилась Олеся.

– Нет, с вышивкой, – возразила Нина.

– Вау! – взвизгнула Олеся. – Ты еще новую мою не видела! Настоящий винтаж! Пошли, покажу...

Блондинки резво вскочили с надувных матрасов, подхватили их и ринулись к лестнице, которая вела наверх. На белом, нежном, словно бархат, песке остались две вмятины, размером примерно восемьдесят сантиметров на метр семьдесят.

– Дуры, да? – сказал кто-то у меня над головой.

От неожиданности я села и обернулась. Ну надо же, совсем не услышала, как некая дама неопределенного возраста подтащила свой топчан почти вплотную к моему.

– Дуры, да? – повторила незнакомка и засмеялась. – Ох, простите, знаю, что так говорить не принято, но мы с вами почти родственники, поэтому я и позволила себе фамильярность. Я Эмма. Как вам погода?

– Замечательная, – кивнула я, пытаясь разглядеть незнакомую женщину, удивившую меня странным определением «почти родственники».

Большие черные очки закрывали пол-лица собеседницы, яркая косынка спускалась на лоб до бровей, а губы были густо намазаны помадой. Впрочем, не менее необычным оказался и ее пляжный наряд. Вместо бикини или цельного купальника тело ее прикрывал длинный шелковый халат до щиколоток, с рукавами до запястий, из-под халата выглядывали шаровары, а на ногах красовались трогательные белые носочки, больше подходящие для пятилетней малышки.

– И правда чудесная, – кивнула Эмма. – Хорошо, что Нина с Олесей убралась. Они клинические идиотки. Первая замужем за водкой, вторая за алмазами. Надоели мужьям хуже по-

риазу, вот те их здесь и поселили. А тебя за что в тюрьму сунули? Ох, извини, я сразу на «ты» перешла, но ведь уже говорила – по сути мы являемся родственницами.

– Мы знакомы? – не выдержала я. – Простите, если вас не узнала, но ваше лицо практически полностью закрыто.

– Я Эмма, – повторила дама.

– Виола, – представилась я, ощущая себя весьма неловко.

– Арина Виолова, – поправила меня собеседница и засмеялась. – Хороша же я! Обозвала наших зайчиков, Нину с Олесей, дурами, а сама-то... Представляю твое недоумение. Я обожаю детективы. Хотя и живу далеко от России, но ни одной новинки криминального жанра не пропускаю и твой сериал про Лизу Касаткину считаю самым лучшим. Я его раза три перечитала, все шесть книг, вот и кажется теперь, что знаю автора, как родного. Понимаешь?

– Да, – с облегчением ответила я. – Рада встрече! – Славу богу, недоразумение разъяснилось.

Эмма вытащила пачку ментоловых сигарет, затянулась и тут же закашлялась.

– Черт... – пробормотала она. – Врач ведь давно велел бросить, но я слабохарактерная. Курю с пятнадцати лет и не мыслю дня без сигарет. Ты не волнуйся, я не стану мешать твоему отдыху. Просто очень обрадовалась, когда поняла, с кем столкнулась.

– Ты мне совершенно не мешаешь, – деликатно ответила я, – я ничем не занята, просто балдею.

– Хочешь коктейль? – поинтересовалась Эмма.

Я кивнула.

Она повернула голову в сторону бара и приказала:

– Два фирменных коктейля.

Через пять минут парень в белой куртке принес высокие бокалы. Я отпила малую толику и изумилась:

– Из чего приготовлен коктейль?

– Зеленый чай, мороженое, сироп лайма, пара капель «Бейлиса», – перечислила Эмма.

К сожалению, я не могу похвастаться хорошими манерами, вот и сейчас у меня вырвалось бестактное замечание:

– Звучит ужасно.

– Но вкусно, – заулыбалась Эмма.

– Действительно, – согласилась я. – Что и странно. Никогда бы не заказала этот напиток в баре, если бы знала его состав.

– Все надо пробовать, – заметила Эмма. – Ты тут одна или с мужем?

Я слегка удивилась любопытству дамы, но ответила:

– Я абсолютно одинокая девушка.

– Ты сама платила за отель? – не успокаивалась Эмма. – Вау! Не предполагала, что писатели так много зарабатывают!

– Сегодня на литературные гонорары можно хорошо жить, но такой отдых мне все же не по карману, – зачем-то уточнила я. – Кайф мне подарило издательство.

– Круто! – восхитилась Эмма. – А трудно писать детективы?

– Самое сложное заставить себя сесть за новую рукопись, – откровенно призналась я. – Люди ходят по магазинам, в кафе, в кино, а прозаик постоянно занят. Либо чиркает ручкой по бумаге, либо обдумывает сюжет. Пока не напишешь роман, он тебя не отпустит, а когда садишься за стол, уже ни на что другое не отвлекаешься, вот и оттягиваешь момент начала работы.

– Может, и мне попробовать писать книги? – задумчиво протянула Эмма. – Живу тут практически в одиночестве. Муж в основном находится в Москве, сюда заглядывает редко. Понимаешь, Флоридос – эта тюрьма.

Я не сумела удержаться от язвительного замечания:

– Весьма комфортабельная темница, однако!

Эмма махнула рукой.

– Здесь только в первые месяцы жизнь раем кажется, а потом начинаешь ненавидеть море, солнце, пляж, прислугу. Сюда ссылают жен, чтобы их не видеть. Ну как Нину с Олесей.

– Не легче ли развестись с опостылевшей бабой? – пожалала я плечами.

– Э нет! – качала головой дама. – Во-первых, почти у всех на руках есть брачный контракт, плати потом всю жизнь жирные алименты. Вот, например, Нина. Она запаслась справочкой от врача – оказывается, красотка с детства имеет порок сердца, является инвалидом, работать не может. Следовательно, суд обяжет бывшего мужа содержать разведенную женушку. Заикнись супруг о разводе, всех забот Нинуше будет – найти хорошего адвоката, а уж он-то организует ей санки с шоколадом. Хотя Петра, мужа Нины, ничто не пугает, он девок меняет, как носки. А другие парни призадумываются, что будет после развода. Ведь на свободный мешок с золотом налетят новые Ниночки. Ну уж нет, решают они, лучше супругу отослать во Флоридос, на виллу со всеми удовольствиями, пусть кайфует под присмотром экономки. Та мигом доложит хозяину, если женушка с кем-то в серьезные отношения вступит.

– Значит, муж любит свою супругу, раз подвержен ревности, – поддержала я бессмысленный разговор.

Эмма откинулась на лежак.

– Деньги он ревнует, – возразила она. – Вокруг сего райского местечка тучами роятся жиголо – ловят бабенок с тугим кошельком. Правда, Флоридос городок закрытый, посторонних сюда не пустят, да только здесь и свои охотники имеются. Они обученные, проверенные, много не откусят: часы, машину, квартиру, – одним словом, так, пустяки. Бизнес мальчишки делать не хотят, у них менталитет хомяка. Получили крошку – и замечательно. Зачем хомяку крылья? Он же грызун, мышь серая по сути!

Я во все глаза смотрела на Эмму, а та, предприняв еще одну неудачную попытку закурить, вещала дальше.

– Но есть еще Сантири! Вот там базируется армия мужиков, мечтающих захватить какую-нибудь Нину, развести ее с мужем и потом всю оставшуюся жизнь существовать на алименты дурочки.

– Ясно, – кивнула я.

– Теперь далее. Олигарху жена нужна для статуса. И она у него есть, загорает в хорошо охраняемом месте, – подытожила Эмма. – Захочет порезвиться? Плиз, для нее тут есть Борька, Джоник, Сергей или лесбиянка Мария. Любовнички на всякий вкус. Надоедят эти – новых привезут, модель из журнала выпишут, пусть супруга оттянется. Но капитал она не поделит, местные мачо замуж ее не позовут. Олигарх же своим подружкам песни поет: «Люблю тебя, но в загс не поведу, имею жену. Она нашей любви не помеха, но бросить ее не могу. Ой, тяжело больна моя женушка! При смерти находится, неприлично развод затевать!» Один только Петр Зарубин такой решительный, он скоро Нину бортанет, отправит в переулоч бывших жен. С его деньгами все возможно, и брачный контракт его адвокаты хитро составили. Кое-кто пытался у Пети лишнее отнять, да фигу получил.

– Здорово, – пробормотала я, – но меня-то просто отдохнуть отправили.

– Неужели Раиса к тебе Борьку не приводила? – хихикнула Эмма. – Она его всем демонстрирует.

Я внезапно почувствовала раздражение и коротко буркнула:

– Нет.

Очевидно, у Эммы хорошо развита интуиция, или в моих словах почувствовалась агрессия, потому что собеседница встала и пропела:

– Жарко становится, пойду вздремну. Если захочешь поболтать, я на пляже всегда до трех.

В пять часов дня, когда Раиса подала заказанный мною обед, я спросила у нее:

– Вы знакомы с Эммой?

– Вряд ли наши отношения можно назвать дружескими, – церемонно сообщила Раиса. – Госпожа Эмма очень богата, живет на собственной вилле, не является клиенткой отеля и никаких точек пересечения со служащими нашей гостиницы не имеет. Но я, конечно же, много раз ее видела – Флоридос крохотный городок, жителей здесь мало.

– Она сидела на пляже в длинном халате, шароварах, носках и с ярко покрашенными губами, – запоздало удивилась я.

«Волшебная палочка» сделала вид, что не услышала моего замечания, откланялась и ушла.

Глава 3

Поздним вечером в окно гостиной кто-то постучал. Я оторвалась от DVD-плеера, по которому смотрела сериал про Эркюля Пуаро, и крикнула:

– Входите, не заперто.

– Здесь никто не пользуется замками, – раздалось из холла, и в комнату вошла Эмма.

Надеясь, что сумела скрыть свое недовольство, я вежливо улыбнулась:

– Добрый вечер. Еще не спите?

– У меня бессонница, – сообщила Эмма. – Можно я сяду?

Мало найдется людей, которые, услышав такой вопрос, честно ответят: «Нет, сейчас у меня нет желания вести беседы, хочу спокойно насладиться фильмом», поэтому я приветливо сказала:

– Конечно, выбирайте самое удобное кресло.

Эмма плюхнулась на цветастое сиденье. Я уставилась на даму, молчание несколько затягивалось. Чтобы нарушить его, я сделала дежурное замечание:

– Сегодня стояла замечательная погода.

– Немного жарковато, но для Флоридоса характерен зной, – привычно отреагировала Эмма, – дождей до сентября не будет.

– Волшебный климат. Завтра, наверное, небо тоже останется безоблачным, – педалировала я тему.

– Зонт нам точно не понадобится, – эхом отозвалась Эмма.

Я притихла, гостья не делала попыток возобновить беседу.

Я почувствовала раздражение. Виола Тараканова, как известно, не получила в детстве так называемого светского воспитания. Нет, я не вытираю нос кулаком, не ковыряю вилкой в зубах, знаю, какое платье следует надеть, если меня позовет на чай английская королева, даже слышала, что истинная леди всегда носит шляпку. Но вот всякие тонкости остались за гранью моего понимания. Если честно, ответы на вопросы: с какой стороны от кавалера должна идти дама, если их представляют королю; можно ли отправиться на охоту в юбке; коим образом надлежит приветствовать дам в гостиной – начинать с самой пожилой или с наиболее знатной, – меня мало волнуют. На королевский раут мне не попасть, убийством животных, пусть даже и легально разрешенным, я не занимаюсь, и среди моих знакомых нет графинь-баронесс-виконтесс-маркиз, поэтому первой я поздравляюсь с какой-нибудь старушкой. А вот Эмма, наверное, в курсе этих примочек и сейчас соблюдает этикет: раз она пришла в гости, то ее обязаны развлекать разговором. Но я же не звала даму! Значит...

– Извини, Вилка, – вдруг подняла голову и заговорила Эмма, – на самом деле я пришла потолковать о важном деле, но не знаю, с чего начать.

Я ощутила некий дискомфорт. Отчего-то произнесенная Эммой фраза резанула слух, но что меня задело, я так и не поняла, потому что дама вдруг сняла косынку, огромные очки с темными дымчатыми стеклами и мгновенным движением стерла носовым платком с губ огненно-красную помаду.

– Ой, господи... – ахнула я и прижала руки к щекам.

Эмма оказалась страшилищем. На ее голове практически не было волос, и лучше бы ей быть совершенно лысой, чем иметь на макушке несколько коротко остриженных пучков. Брови отсутствовали начисто, как, впрочем, и ресницы. В воспаленных, опухших веках прятались то ли голубые, то ли серые глаза, верхняя часть щек представляла собой переплетение множества рубцов. На носу и подбородке кожа была нежная, не тронутая болезненными изменениями, зато губы походили на... Извините, сравнения закончились.

– Матерь божья! – помимо воли произнесла я. Тут же поняла свою бестактность и попыталась исправить ситуацию: – Прости, Эмма, я не хотела тебя обидеть.

– Ерунда, – небрежно произнесла гостья, – я давно привыкла к производимому мною впечатлению.

Отработанным движением Эмма прикрыла голову шелком, вернула на место очки, вытащила из кармана помаду и ловко, без помощи зеркала, наредила губы. Затем пояснила:

– Автомобильная авария. Хочешь, покажу, как я выглядела до катастрофы?

Не дожидаясь моего ответа, она вытащила из кармана блузы нечто типа маленького бумажника, открыла его, и я увидела фотографию двух молодых женщин. Не красавиц, но вполне симпатичных, с открытыми счастливыми улыбками.

– Я слева, – ткнула пальцем в изображение гостья. – Наверное, ты удивилась, увидев меня на пляже в халате, штанах и носках? Сочла ненормальной?

– Нет, что ты, – пробормотала я.

Эмма улыбнулась.

– Не ври. Мое тело выглядит хуже лица – был ожог девяноста пяти процентов кожи. Обычно в подобных случаях люди не выживают, но доктора совершили чудо, и я выздоровела, однако жизнь моя теперь качественно изменилась. Как ты догадываешься, я всегда появляюсь на людях в макияже, с прикрытой головой. Ношу плотные колготки или брюки, кофты с рукавами до запястья. Остаться обнаженной позволяю себе лишь в ванной, где нет ни одного зеркала.

– Бедняжка, – вырвалось у меня.

– Софье пришлось хуже – она умерла. – Эмма пожала плечами. – А я живу, дышу морским воздухом, вкусно ем, валяюсь у телевизора. Антон, правда, появляется редко, ну да и понятно почему. Иногда я подумываю об удочерении симпатичной малышки, но меня останавливает мысль: как ребенок отнесется к виду изуродованной мамочки, а?

Я не нашлась, что ответить.

Эмма села на ковер по-турецки и сказала:

– У меня много денег – достались от матери, ее звали Анна Львовна. Она всю жизнь занималась продажей картин, работала в музее, оценивала полотна для частных коллекционеров, сильно поднялась во время войны. Люди из-за голода продавали шедевры за бесценок, отдавали Рубенса за пакет гречки. А у матери к продуктам был доступ – мой отец заведовал крупным складом. Консервы там, макароны, яичный порошок... Нехорошо осуждать родителей, они меня обожали, тем более что произвели на свет в почти пожилом возрасте. Я родилась в семидесятом, маме исполнилось сорок пять, папе было на десять годков больше. Да, да, понимаю твой невысказанный вопрос. Анне во время войны и двадцати не исполнилось. Как она могла оценивать картины? Но ее родители работали в Эрмитаже, девочка с малолетства жила среди искусствоведов, отлично разбиралась в живописи, в семнадцать лет выскочила замуж... Да и дед с бабкой имели большое собрание раритетов. Но история моей семьи тебе не интересна, главное одно: я богата. Антон же был беден.

– Это твой муж? – я рискнула перебить ее.

– Точно, – кивнула Эмма, – Антон Пospelов. Короче, мне очень нужна твоя помощь!

– Что я могу сделать? – пролепетала я.

Эмма поправила очки.

– Для начала выслушай меня.

– Хорошо, – кивнула я, – начинай!

Гостья стянула с дивана плед, завернулась в него и поудобнее уселась на подушки. Затем завела рассказ.

Эмма рано встретила свою любовь – увидела Антона в метро и потеряла голову. Симпатичная девочка понравилась парню, и у них начался роман. К декабрю они поняли: им не жить друг без друга, и Эмма объявила матери:

– Я выхожу замуж.

Отец ее к тому времени уже умер, а мать не возражала, лишь вздохнула и сказала:

– Я не против раннего брака, сама стала женой в семнадцать лет, но... Эммочка, он тебе не пара.

– Почему же? – возмутилась дочь.

– Мы москвичи (после войны родители перебрались в Москву), имеем квартиры, дачу, машину, – принялась перечислять Анна Львовна, – коллекцию картин и статуэток, драгоценности. Эмма, ты – богатая невеста. Теперь взгляни на своего жениха. У него лишних порток нет, живет в общежитии и небось мечтает о московской прописке. Девочка, вы познакомились в подземке! Спутника жизни так не выбирают.

– Мама, немедленно прекрати! – взвилась Эмма.

– Извини, доченька, – парировала Анна Львовна, – но такова правда. Богатой девочке следует трижды подумать, прежде чем бежать в загс.

– Я люблю его, а он любит меня, – уперлась Эмма.

– Ты еще так молода... – попыталась вразумить ее мать.

– Ну-ка, вспомни, сколько тебе самой было, когда ты вышла за папу! – ринулась в бой Эмма.

– Солнышко, мой муж был старше Антона, – возразила Анна Львовна, – он содержал семью. Конечно, я разбираюсь в искусстве, как никто другой, и папа никогда не лез ко мне с советами, какую картину или фигурку приобретать, но деньги на покупки давал он и...

– Антон тоже способен меня обеспечить! – рявкнула Эмма.

– Хорошо, душенька, – покорно кивнула мать, – мое дело дать совет, а твое – либо послушать его, либо нет. Давай зови жениха.

Анна Львовна с распростертыми объятиями приняла будущего зятя, угостила его вкусным ужином, вытащила бутылку раритетного вина, и Эмма расслабилась. Слава богу, мама очень ее любит, поэтому не станет противодействовать ее счастью. Но тут дело приняло неожиданное поворот.

Подав на стол кофе, Анна Львовна сказала:

– Теперь обсудим технические детали свадьбы. Где вы хотите ее справлять?

– В кафе, – быстро ответил Антон.

– Замечательно, – одобрила Анна Львовна. – Расходы, естественно, пополам.

– Мама, – зашипела Эмма, – ты с ума сошла?

– Заинька, – укоризненно покачала головой Анна Львовна, – Антон вливается в семью, в которой нет мужчин. Он же не собирается жить за наш счет? Наверное, понимает, что я далеко не молода, получаю скромную пенсию и нуждаюсь в помощи. Конечно, я возьму на себя оплату половины счета за свадебное торжество, куплю тебе платье, туфли, фату, но потом с радостью передам тебя, как говорится, в руки мужа. Буду очень благодарна, если вы изредка станете навещать меня.

– Что значит «навещать»? – поперхнулась Эмма. – Разве мы не тут будем жить?

– Доченька, две хозяйки на кухне, даже, если они ближайшие родственницы, непременно поссорятся, – заявила мать. – Но ты не переживай, проблему жилья для вас решит твой муж.

Антон покраснел, а Анна Львовна улыбнулась.

– Еще кофе?

Эмма вцепилась в край дивана. Она думала, что жених откланяется и уйдет навсегда из негостеприимного дома. Но Антон поступил иначе.

– С удовольствием! Плесните кофейку, – отозвался он. – И от пирога я не откажусь.

Первые годы после свадьбы молодые жили очень тяжело. Анна Львовна, как и предупреждала, не пустила их к себе, Пospelовым пришлось снимать квартиру. Эмма иногда прибегала к матери и жаловалась:

– Зимнее пальто превратилось в рухлядь, сапоги истоптались, телевизор сгорел...

Анна Львовна ахала, покупала дочери одежду, но на телевизор денег не давала. Она вообще не помогала дочери рублями, однако частенько делала ей подарки, причем приобретала вещи, которыми могла пользоваться только Эмма, допустим, платье. Если же речь шла о предмете, который мог пригодиться и зятю, к примеру, о холодильнике или об утюге, тут мать прикидывалась глухой.

В конце девяностых у Антона появилась возможность поднять собственный бизнес, и Эмма обратилась к матери с просьбой:

– Дай нам денег, под проценты.

– Я подумаю, – неожиданно ответила старуха. А через три дня объявила свое решение:

– Вы получите нужную сумму, но лишь в том случае, если фирма будет оформлена на Эмму.

Антон скрипнул зубами, а дочь налетела на Анну Львовну:

– Мы живем с мужем не один год, почему ты до сих пор его ненавидишь?

– А почему я должна любить его, голытьбу бесштанную? – искренне изумилась Анна Львовна. – Хм, захотел за наш счет подняться... Но ведь я даю деньги! Пусть оформит бизнес на тебя. Какая разница, кто юридический хозяин, а мне спокойней будет.

И тут Эмма не выдержала. Она очень любила мать, была почтительной дочерью, но Анна Львовна перегнула палку, травя Антона. Эмма нахмурилась и сказала:

– Мама, ты подарила мне дачу.

– Верно, – согласилась та, – я переоформила фазенду на тебя.

– Значит, дом мой?

– Конечно, солнышко.

– Тогда я его продам, а деньги отдам мужу, – выпалила Эмма.

– С ума сошла! – подскочила Анна Львовна. – Я живу на даче десять месяцев в году!

– Но дом мой, что хочу, то с ним и делаю, – жестко заявила дочь. – Или переоформление это всего лишь спектакль и ты подарила то, чем мне нельзя воспользоваться? Короче: или ты одалживаешь нам деньги, или я выставляю дачу на торги.

– Боже... – ужаснулась Анна Львовна. – Дождись моей смерти, она не за горами. Опустись гроб с телом матери в могилу и станешь богатой, сори потом накоплениями родителей, как пожелаешь!

– Неужели ты хочешь, чтобы я ждала твоей кончины? – потеряла над собой контроль Эмма. – Если все и так мне достанется, дай сейчас хоть часть!

– Ладно, – заплакала Анна Львовна, – хорошо, будь по-твоему. Но все же пусть Антон фирму на тебя оформит.

Эмма застонала. Мама непробиваема, разговор пошел по кругу.

Представляете, в каком настроении супруги ушли от Анны Львовны? Но, наверное, она тоже сильно переживала. Во всяком случае, через несколько дней после той беседы у старухи приключился инфаркт, и она умерла. Эмма осталась единственной наследницей состояния матери.

Воспользоваться наследством можно было лишь по прошествии полугода, поэтому Эмма собралась продать дачу. Зять на похоронах тещи уронил несколько слезинок, но Эмма понимала: Антон совершенно не расстроен, Анна Львовна скончалась весьма вовремя. Через пару месяцев мысль о службе, которая будет приезжать на дом брать у больных анализы, могла прийти в голову другому медику. Идея витала, что называется, в воздухе. А пока Антон работал в затрапезной поликлинике участковым терапевтом.

Эмма, служившая гримером в небольшом театре, во всем поддерживала мужа. Конечно, дочери было жаль маму, но... та ведь противилась ее семейному счастью.

Не дожидаясь официального статуса наследницы, Эмма, имевшая права на вождение, села за руль маминых «Жигулей», не переоформив машину на себя. Легковушка, несмотря на древний год выпуска, была по существу новой, поскольку бывшая хозяйка редко ее эксплуатировала.

Спустя некоторое время после смерти Анны Львовны супруги решили поехать на дачу. С собой они прихватили близкую подругу Эммы Софью Калистидас.

Соня была гречанкой, она прибыла в Москву в раннем возрасте вместе с родителями, отец ее был дипломатом. Сонечка училась в русской школе, и многие считали девочку россиячкой. От матери Софье досталась светлая кожа и голубые глаза, от отца – черные вьющиеся волосы и веселый нрав. Калистидасы были обеспеченными людьми, Сонечка на лето уезжала в Грецию, проводила время на исторической родине, но осенью всегда возвращалась в Москву. У Сони было два родных города, и столицу России она покидать не собиралась. Дружба Эммы и Софьи была очень крепкой, они считали себя сестрами, что совсем не удивительно – Анна Львовна и старшие Калистидасы являлись большими друзьями.

Незадолго до роковой поездки на дачу в жизни Сониных родителей произошла трагедия. Ее отец с матерью вернулись в Грецию, а вскоре Константина Калистидаса обвинили в получении взяток и посадили в тюрьму. Оливия, мать Софьи, не вынесла позора и умерла. Соня хотела полететь на похороны мамы, но греческие приятели предупредили девушку: как только дочь Калистидаса окажется в аэропорту Афин, ее мигом задержат и начнут допрашивать.

Соня тяжело переживала трагедию и не уставала повторять:

– Папу оболгали, он никогда не брал взяток! Да, отец способствовал заключению огромного количества торговых контрактов между двумя странами, но никаких не имел мыслей о личном обогащении!

– Не волнуйся, – пыталась утешить подругу Эмма, – следствие разберется, и дядя Костя окажется на свободе.

– Да, да, – кивала Соня, – тогда он навсегда переедет в Москву, продаст наш дом, землю в Греции и обоснуется в России. Ей-богу, тут ему будет лучше, он уже на три четверти москвич.

Таким было положение вещей, когда Антон, Эмма и Софа поехали на дачу...

Моя гостья умолкла, потом продолжила:

– Дальше я ничего не помню. Очнулась в больнице, вся в бинтах. Врачи сказали, что муж вытащил меня из горевшей машины...

«Скорая помощь» доставила Эмму в ожоговый центр, где ее ввели в искусственную кому, иначе сердце несчастной могло не вынести боли.

Окончательно осознать случившееся Эмма смогла лишь спустя длительное время. Антон осторожно рассказал жене об аварии.

– Ты не справишься с управлением, – объяснял супруг, – автомобиль занесло на крутом повороте, он врезался в дерево, возник пожар. Я успел выскочить и вытащил тебя.

– А Софа? – воскликнула Эмма.

– Она погибла, – мрачно ответил муж. – Понимаешь, я бросился спасать сначала свою жену. Вас двоих одновременно я не мог вытащить. Выволок тебя, сбил с одежды пламя, положил на землю, рванулся к автомобилю и... все.

– Ужасно, – прошептала Эмма, – я убила Соню.

– Ты не виновата, – резко прервал жену Антон, – нам навстречу из-за поворота выскочил грузовик, это он спровоцировал аварию и скрылся.

Грузовик не нашли, останки Сони кремировали, Антон поднял бизнес и в короткое время разбогател. Пospelов, казалось, начисто забыл о трагическом происшествии, а вот Эмма никак

не могла оправиться. Память к ней возвращалась очень медленно, воспоминания оживали лишь после бесед с мужем...

– Странное дело, – удивлялась сейчас Эмма, – мне приносили еду, и я спокойно жевала. Великолепно помнила, что кашу засовывают в рот, а не мажут на голову. Не было никаких трудностей с самообслуживанием – я нормально одевалась, пользовалась туалетом. Да, было трудно ходить из-за рубцов, но я знала, для чего существует унитаз, легко отличала его от раковины. Не потеряла никаких других жизненных навыков, могла читать. Но вот о себе не помнила ничего. Вообще! Можно считать, что я умерла тогда, на дороге.

– Постой! – воскликнула я. – Но ты только что весьма подробно описала отношение Анны Львовны к твоему мужу, значит, помнишь некоторые детали.

– Сама я ничего не помнила, – потрясла головой Эмма, – это все Антон. Жаль, что мама умерла и не узнала, каким самоотверженным человеком оказался «плохой» зять. Антоша выхаживал меня, как младенца, сам сидел у кровати, боялся, что медсестры недоглядят. В больнице о моем супруге легенды ходили, мол, таких мужей в ожоговом центре не встречали. Я выжила только благодаря ему – Антоша приводил доноров, приносил необходимые средства по уходу, читал мне вслух книги. А когда стало ясно, что у меня амнезия, начал показывать фотографии, рассказывал о моих родителях. Кстати, мог ведь скрыть, что теща его не любила и что он платил ей взаимностью, но не стал врать.

– И ты вспомнила прошлое?

– Ну... не совсем, – призналась Эмма, – есть провалы. Особенно из периода раннего детства, школьных лет. Ведь в то время Антоши со мной рядом не было, он знал лишь общую информацию. Один раз он привел в больницу мою классную руководительницу, попросил ее поговорить со мной, напомнить о тех годах. Так учительница посмотрела на меня, зарыдала и в обморок упала. Хотя винить ее не следует, мой вид производит ужасное впечатление.

– Чем же я могу тебе помочь? – спросила я.

Эмма поправила платок.

– Сейчас объясню.

Глава 4

После больницы Эмма осела в московской квартире, жила взаперти. Антон пытался развлечь жену, нанял ей компаньонку, но Эмма выгнала даму прочь. А спустя пару месяцев у бедной Пospelовой началась депрессия.

Комнаты казались чужими и неудобными. Банки на кухне стояли не в том порядке, в каком хотелось Эмме, матрас на кровати был слишком жестким, одеяло жарким, белье противным, из шкафа пахло отвратительными духами, в ванной стоял жуткий шампунь с ароматом ванили... Раздражало все, даже марка телевизора.

Антон безропотно терпел капризы жены.

Став законной наследницей Анны Львовны, Эмма получила возможность распоряжаться имуществом. И однажды поехала на квартиру покойной матери. Вошла в комнату, где прошло детство, и не почувствовала ничего, кроме жуткого дискомфорта. Неужели она была счастлива в этих темных, завешанных картинами и застеленных коврами помещениях? Хрустальные люстры, антикварные шкафы, раритетное пианино, на котором никто никогда не играл... Эмма просто задохнулась здесь и быстро вышла на лестничную клетку.

Но вещи матери следовало разобрать, и Эмма вернулась, стала перебирать бумаги, удивляясь тому, что не испытывает никаких эмоций.

В одном из ящиков нашлось заверенное нотариусом завещание. Так Эмма узнала, что она очень обеспеченная женщина. Анна Львовна владела тремя квартирами, расположенными в центре Москвы. Недвижимость вместе со всем остальным имуществом принадлежала по завещанию ее дочери, но... та не могла вложить деньги в дело мужа. Вот открыть свое собственное – сколько угодно. При завещании было письмо от Анны Львовны: «Дорогая Эмма. Я не доверяю Антону Пospelову. Думается, он волк в овечьей шкуре. Поэтому ты не должна помогать оборванцу деньгами. Если он хочет стать бизнесменом, пусть зарабатывает сам или оформляет фирму на тебя. Надеюсь, ты слушаешь моего совета и выполнишь последнюю материнскую волю».

Эмма разорвала послание. Значит, Антон говорил правду – у него с тещей не было взаимопонимания. Но молодая женщина знала, что супруг любит ее, и не собиралась идти на поводу матери.

В общем, никаких положительных эмоций при разборе бумаг Эмма не испытала. Но потом, уже поздним вечером, ей попала на глаза фотокарточка: две симпатичные девушки, обнявшись, стоят перед объективом, их легко можно принять за сестер. Стройные фигуры в одинаковых светлых платьях, длинные волосы развеваются ветром, голубые глаза сияют огнем... Фоном служит бескрайнее синее море, сливающееся на горизонте с таким же бесконечным небом.

Эмма перевернула карточку и прочла на обороте: «Соня и Эмма. Пелопонесус».

Когда за ней заехал Антон, она ему сказала:

– Милый, я хочу поехать в Грецию.

– Зачем? – изумился Антон.

– Думаю, мне там будет хорошо, – протянула Эмма. – И... вдруг ко мне вернется память?

Антон с жалостью посмотрел на жену:

– Конечно, как пожелаешь.

– А еще... Мне кажется, что прах Сони надо захоронить на родине, – неожиданно заявила

Эмма.

Пospelов покачал головой.

– Урна уже в нише московского колумбария.

– Ее можно достать, – не дрогнула Эмма.

– Зачем? – поразился Антон.

– Я убила лучшую подругу, – прошептала несчастная, – надо упокоить ее как положено. Наверное, София хотела бы лежать рядом с мамой. Решено, отвезу ее прах в Грецию.

– Очень трудно получить разрешение на перемещение останков, – попытался сопротивляться муж, – придется обойти кучу инстанций...

– Нет, – перебила его супруга, – я просто спрячу урну с пеплом в своей сумке, никто и не узнает, что я везу.

Антон купил жене путевку, Эмма в составе группы туристов прилетела в Грецию. Флоридос тогда вовсе не считался райским местом, отель для очень богатых и знаменитых еще не построили – это было крошечное поселение из семи домов, стоявших у моря, еще был небольшой ресторанчик, который держала престарелая чета. Эмма случайно оказалась во Флоридосе – на обратном пути из Пелопонесуса, где она зарыла урну с прахом в могилу матери Софии, сломался автобус, водитель вызвал ремонтную бригаду, экскурсанты пошли купаться. Эмма, которая по понятной причине не снимала при посторонних верхнюю одежду, взобралась на холм, повернулась лицом к морю и поняла – отсюда она никогда не уедет. Наконец-то на земле нашлось место, где она будет счастлива.

В Москву все же пришлось вернуться для того, чтобы продать одну из принадлежавших Анне Львовне квартир. Денег, вырученных за четырехкомнатную жилплощадь в Китай-городе, хватило для строительства шикарной виллы во Флоридосе и ее полной «экипировки». Через год после переезда Эммы Флоридос превратился в роскошный курорт...

– Вот жалость! – воскликнула я.

– Наоборот, – усмехнулась собеседница. – Сюда приезжает весьма ограниченное количество людей, большинство из которых русские. Местные жители-греки живо продали свои домики за нереально огромные деньги и уехали, счастливые, в другие городки. Здесь теперь очень тихо, спокойно, меня никто не беспокоит. Хотя, конечно, знают, что я из Москвы. Обслуживающий персонал отеля давно по моему поводу перестал сплетничать, горничные и всякие там коридорные знают, что я богатая дама, попавшая в автомобильную аварию. Кажется, они мне сочувствуют.

Я кивнула:

– Во всяком случае, Раиса сказала, что ничего о вас сообщить не может.

Эмма переменяла позу.

– Раиса не сплетница, служба обязывает ее держать язык за зубами. Думаю, она давно навела обо мне справки, но Рая ошибается, если считает меня несметно богатой. Просто я очутилась во Флоридосе до того момента, как цены на землю стартовали в космос.

– Но и бедной вас нельзя назвать, – заметила я, – содержание особняка, вероятно, обходится недешево.

Эмма вынула сигареты, закурила одну и снова закашлялась.

– Имея парочку квартир в Москве, можно жить в Греции, – фыркнула она, – я сдаю апартаменты и счастлива.

– Вам можно позавидовать, – ляпнула я.

– Полагаешь? – спросила Эмма и сняла очки.

Я вздрогнула и почувствовала себя дурой. Поспелова подышала на стекла, протерла их носовым платком, вновь водрузила на нос и, обхватив руками колени, сказала:

– Давай договоримся – ты будешь употреблять местоимение «ты». Помогите мне, я попала в странную ситуацию.

– Что ты имеешь в виду? – живо спросила я.

Эмма встала и подошла к окну.

– Тяжело жить без памяти, – прошептала она.

– Зато тебя не грызет совесть за совершенные дурацкие поступки, – я решила слегка подбодрить Эмму. – Лично мне хотелось бы кое о чем забыть навсегда.

– Врачи обещали, что амнезия пройдет, – не обращая внимания на мое заявление, продолжала Эмма, – но их прогноз не сбывлся. Некоторое время назад в отель приехала мадам Жаклин. Слышала что-нибудь о ней?

– Никогда, – ответила я.

– Она мировая знаменитость, экстрасенс, ясновидящая, гадалка. Постоянно живет во Франции. К Жаклин стоит очередь на несколько лет вперед, – растолковала мне Эмма, – она почти со стопроцентной точностью видит как будущее, так и прошлое. Жаклин прибыла сюда инкогнито, никто не знал, кто она такая. Понятно, почему она шифровалась: ей небось прохода не дают.

– Но ты выяснила правду?

Эмма начала ходить между диваном и окном.

– Да. Вечером я пришла на общий пляж, легла на лежак. Вокруг ни души, лишь невдалеке сидит девушка, как мне показалось, с вязанием. Ну кивнула ей вежливо – во Флоридосе, как в деревне, принято со всеми здороваться. А девица вдруг и говорит: «Вы живете чужой жизнью». И давай озвучивать мою историю.

– Весело, – поежилась я.

– Ага, – подтвердила Эмма, – Жаклин пообещала, что мне после ее отъезда приснится сон, а в нем будет присутствовать некий предмет. Синий. И рано или поздно я пойму, где взять эту вещь и когда следует ее забрать. Как только она окажется в моих руках, память оживет. Знаешь, и ведь правда! Не успела Жаклин улететь, меня стали преследовать кошмары. Сначала всю ночь я куда-то бежала. Жуть! Несусь босая, грязь в разные стороны, падаю, ползу... Я просыпалась от ужаса. Затем возникла гора, я карабкалась на нее как обезьяна, следом появился дом... А потом я увидела медальон на цепочке... Похоже, не дорогой, он лежит...

Эмма прижалась спиной к стене, поднесла ладони к щекам и затряслась, как кролик, попавший под ливень.

– Жаклин сказала, – монотонно бубнила она, – что, как только я пойму, где находится эта вещь, из Москвы приедет женщина – молодая, красивая, талантливая. Я ее люблю и хорошо знаю, и она мне поможет – я вновь обрету память.

Трясущейся рукой Эмма натянула на лоб платок и произнесла:

– Это ты!

Я подпрыгнула.

– Что? Кто?

– Ты та самая женщина – молодая, красивая, талантливая, которую я люблю и хорошо знаю, – повторила собеседница. – Жаклин не называла имени, но мне-то понятно – это ты!

– Очень приятно слышать о себе такие слова, но мы совсем не знакомы, – пролепетала я.

Эмма села на валик дивана.

– Я читаю все книги Виоловой, собрала полный комплект. Ты меня видишь второй раз в жизни, но я, можно сказать, живу с Ариной, она мне очень хорошо известна, почти родственницей стала. Сбылось предсказание Жаклин: едва я успела понять, где лежит подвеска, как из России прибыла моя любимая писательница. Все станцевалось! Умоляю, помоги!

– Делать-то что надо? – тупо спросила я.

– Съезди завтра в Пелопоннесус, он находится в сорока километрах от Флоридоса. Войди в сад дома, где жили родители Софыи, найди там скульптуру кошки, отверни ей голову и достань жестяную коробочку. В ней и лежит медальон. Едва я возьму его в руки, как вспомню все! – торжественно объявила Эмма.

– Кто же меня пустит в частное владение? – ошарашенно спросила я.

– Дом ветшает, территория не охраняется, – последовало пояснение.

– А почему ты сама не съездишь?

Эмма сползла с валика на софу.

– Антон считает меня слегка сумасшедшей, – нехотя сказала она, – мы с ним практически не живем вместе. Никто не виноват, так получилось. Та авария, с одной стороны, показала, как мы любим друг друга, но она же и разрушила нашу семью. Я обитаю в Греции, супруг в Москве. О каких близких отношениях можно говорить? У Антона бизнес в России, и он не хочет его бросать. Пospelов приставил ко мне экономку, та докладывает ему о каждом моем шаге. И если я предприму действия, которых он от меня не ожидает, вполне могу оказаться в психушке.

– Что-то я никак не пойму... – начала я, но Эмма не дала договорить:

– И понимать не надо! Просто съезди и привези коробку. Все. Неужели ты откажешь мне в такой пустяковой просьбе? Мое счастье в твоих руках.

Я колебалась, и тут Эмма размотала платок и сняла очки.

– Смотри, – приказала она, – Господь лишил меня человеческого облика и памяти. Внешность не вернуть, но воспоминания можно обрести заново. Тебе меня не жаль?

У меня екнуло сердце.

– Хорошо, я съезжу.

– Завтра!

– Ладно. Попрошу Раису заказать такси.

Эмма помотала головой:

– Не надо. Вот ключи от машины. У тебя же есть международные права?

Я взяла связку с брелоком и кивнула:

– Да, права у меня с собой. Но ведь без доверенности нельзя садиться за руль чужого автомобиля. Или в Греции другие правила?

Эмма потянулась за небольшой сумочкой, которую, войдя в бунгало, она бросила на диван. Достала из нее листок и коротко сказала:

– На.

Я развернула документ, но прочитать его, естественно, не могла – текст был на греческом языке.

– Это доверенность на машину, – пояснила Пospelова, – на твое имя.

– Ты ее заранее оформила? – изумилась я.

– Жаклин сказала, что женщина из России согласится поехать, – кивнула Эмма. – Что она мне непременно поможет.

Я заморгала и опять ощутила дискомфорт, но в это мгновение Пospelова кинулась ко мне, обняла и прижала к себе. Я услышала, как часто бьется у нее сердце, погладила ее по спине и промямлила:

– Ну-ну, успокойся. Завтра получишь медальон. Кстати, твоя экономка не насторожится, узнав, что ты дала машину неизвестно кому?

– Нет, – вздрогнула Эмма и отодвинулась от меня. – Я сегодня весь день твердила: «Какое счастье – Виолова здесь». А пошла к тебе якобы за автографом. Вот, держи книгу, поставь тут росчерк.

Я машинально взяла издание.

– «Стриптиз Змея Горыныча». Надо же, роман только что вышел и уже есть в Греции?

– Ага, – радостно подтвердила Эмма. – В Сантири открыта лавка, где продаются российские книги, я там любимый клиент. Экономка не удивится, если я одолжу обожаемой писательнице один из моих автомобилей. Ты только, когда в него садиться будешь, громко спроси у меня: «Значит, меховая фабрика Руфуса?». Россияне обожают покупать в Греции шубы, а в Пелопоннесе есть заводик по пошиву манто. Ок?

– Ок, – кивнула я.

Глава 5

Утро началось как всегда – с кофе, поданного Раисой.

– Сегодня восхитительный день, – сообщила «волшебная палочка», раздвигая шторы, – солнце чуть спряталось за облака, нет удушающей жары. Самое лучшее время для пляжа. Желаете массаж на свежем воздухе?

– Нет, спасибо, – отмела я ее предложение, – еду в Пелопонесус.

– Вызвать машину? – без всякого удивления поинтересовалась дама.

– У меня есть колеса, – ответила я. – Эмма Поспелова одолжила, она, оказывается, моя фанатка.

– Удачной дороги, – пожелала Раиса. И предостерегла: – Не превышайте скорость, местная дорожная полиция строга к нарушителям.

Через час я проследовала на центральную стоянку и увидела Эмму, высунувшуюся из серебристого «Мерседеса».

– Вилка! – крикнула она, выходя из салона. – Сюда!

Я приблизилась к машине и нарочито громко спросила:

– Значит, меховая фабрика Руфуса?

– Да, да, – азитированно закивала Поспелова, – советую туда съездить! Они хорошие манто шьют! Из цельных, нерастянутых шкурок. И цена не завышена. Езжай в Пелопонесус. По шоссе прямо, никуда не сворачивая. Удачи тебе и ни пуха ни пера!

– Эй, эй, погодите! – заверещал въедливый голос, и к «мерсу» подскочила блондинка с большой сумкой в руках. – Здравсти! Эмма, как вы себя чувствуете? Вроде дождик собирается, вон тучка ползет!

– Здравствуй, Нина, – нервно ответила Эмма. В подошедшей я сразу узнала девушку, которая вчера у моря произнесла гениальную фразу про цвет самолета.

– Душенька, помогите! – молитвенно сложила розовые ладошки Нина. – Вы, как я только что слышала, собираетесь в Пелопонесус ехать? На заводик, за шубками?

– Ну да, – осторожно ответила я.

– И мы туда намылились, – запрыгала Нина, – но наш гадкий «ламборджинчик» тапочки откинул. Возьмите нас с собой! Плииз! Милочка! Душенька! Я вам не помешаю! Даже лучше: скажем, что мы вместе и нам за две шубочки скидочку дадут. Я умею с греками торговаться!

Эмма дернулась, а я растерялась. В мои планы не входила покупка манто, да я и не ношу одежду из шкур убитых животных.

– Вчера я поехала в Сантири, – стрекотала Нина, – а на обратной дороге налетела на булыжник, он «ламборджинчику» чего-то там внутри повредил. Вроде... э... спидометр. Хотя я точно не знаю! В общем, не хочет он теперь, гаденыш, ездить. А мне так надо шубочку! Обязательно до завтра!

– Я всегда считала, что новые русские приобретают меха в Лондоне, – с напряжением в голосе заявила Эмма. – Вас тусовка не заключает, когда поймет, что ваше манто с простенькой греческой фабрики?

Нина покраснела.

– Вы, Эммочка, должны мне помочь. Сейчас поймете почему, я вам честно признаюсь. Завтра мой муженек прилетает, а с ним его змея мамаша, свекровь моя хренова, чтоб ей по дороге лопнуть! Надо жабе подарок сделать. Она из Турбиновска. Слышали про такой город?

– Нет, – хором ответили мы с Эммой.

– Понятное дело! Унылая дыра за тридевять земель от цивилизации, – засмеялась Нина. – У них там своя, турбиновская, мода – на башке кудри химические, сверху шапка типа сарай. Нахлобучка должна колом стоять, считается – это красиво. А на теле доха. Из норки. Жутче не

бывает! И обязательно, чтобы в пол, чтобы подолом по дерьму елозила. Ну не оценит Светлана Игоревна шубку из Лондона, ей надо тулуп от Руфуса. Ну е мое... Мы вам не мешаем, честное слово! Ну пожалуйста, Эммочка, скажите ей! Она же на вашей машинке собирается катить?

– Кроме шубы у меня есть еще и другие планы, – сообщила я.

Эмма приподняла очки и посмотрела на меня. Во взгляде ее промелькнул испуг. Чтобы успокоить ее, я добавила:

– Собиралась погулять по окрестностям Пелопоннесуса, набраться впечатлений для работы.

– А мы, пока вы видами нахлебываетесь, в ресторанчике посидим, – деловито заявила Нина. – Неужели откажете? Не по-соседски как-то получится, ваще некрасиво. Мы ж не чужие друг другу, россияне, значит, родственники. Так я сяду? Эммочка, ну...

Нина бесцеремонно взялась за ручку передней дверцы.

– Вас двое? – в тоске уточнила я.

– Ой, точненько, – закивала нахалка.

– Немыслимо! – прошипела Эмма. – Моя машина не такси! Еще целую группу соберите!

– Я очень тороплюсь, – заявила я, – вашей подруги пока не видно, ждать ее я не могу, время идет, поэтому...

– Все здесь! – радостно взвизгнула Нина. – Спасибо, Эммочка, что согласились! Деньги хорошо, а дружба лучше. Мы обе тут.

Эмма и я начали озираться.

– Где? – нервно осведомилась Пospelова.

– Она завсегда со мной, в сумке сопит, – возвестила Нина. – Опа, Америка – Европа! Гляди...

Пальцы, унизанные многочисленными колечками, расстегнули сумку и вытащили из ее недр крохотную лохматую бело-серую собачку.

– Во, – заулыбалась Нина, – моя Муму.

Всю мою злость немедленно унесло.

– Как зовут вашу псинку?

– Муму, – повторила супруга олигарха. – Вы, наверное, не читали Достоевского?

– Просто цирк! – засмеялась Эмма. – Ей-богу, с таким я впервые сталкиваюсь.

Нина с явным превосходством посмотрела на Пospelову.

– Жил в восемнадцатом веке такой Лев Николаевич Достоевский. Он книги писал, про людей. А сейчас по ним сериальчики снимают.

– Да ну? – всплеснула руками Эмма. – Очень интересно!

Нина прищурилась.

– В одной повести тетка влюбилась в молодого парня по имени Ромео, он ей взаимностью ответил. Но у тетки... Как же ее звали? Э... э... э...

– Джульетта, – подсказала я.

– Ой, сказала! – отмахнулась Нина. – Не нашенское же имя, французское, а Достоевский русский. Кажется, Маша... Точно, Маша Онегина! Значитца, у ней муж был, типа генерал, и собачка Муму. И она изменила мужу.

– Собака? – съязвила Эмма.

– Ну как животное с парнем может переспать? – подскочила Нина. – Черепахе понятно: Машка с Ромео снюхалась. А потом один приятель ее носовой платок, который он в ванной нашел, генералу показал. Во гад! И чего в чужую жизнь полез? Без него бы обошлись! Таких друзей отстреливать надо! Генерал хотел Машу придушить, но не успел, та сама под поезд кинулась. Бедненькая Муму!

На меня напал столбняк. Первый раз слышу столь оригинальную версию самых известных произведений мировой литературы. Нина ухитрилась смешать в кучу пару пьес Шекспира,

роман Льва Толстого «Анна Каренина», поэму Пушкина «Евгений Онегин» и «Муму», труд Ивана Тургенева. Интересно, девушка читала все эти книги?

– А при чем здесь Муму? – задала справедливый вопрос Эмма.

Нина шмыгнула носом.

– Так Маша под поезд сиганула с собачкой в руках. Несчастенькая животинка утонула, когда паровозик на глупую бабу наехал. Ну за фигом она Муму с собой прихватила?

– Вы уверены, что там был поезд, а не подлодка? – на полном серьезе уточнила Эмма.

– Уж не дура, – подбоченилась Нина.

– Рельсы по воде не прокладывают, – влезла я с идиотским замечанием.

– Ой, ну конечно же, – засмеялась Нина, – ту бабу переехало. Жуть! Голова направо, ноги налево, руки ваще к буфету отлетели. Я даже зажмурилась, когда увидела!

– Ты присутствовала при несчастье? – поразила Пospelова.

– Сколько ж мне лет, по-вашему? – вытаращила глаза Нина. – Триста? Говорила же, дело в восемнадцатом веке было, еще до той войны, когда Горбачев в Сталинградской битве победил, в тысяча девятьсот седьмом году. Поезд-то по берегу Чудского озера ехал. Муму отшвырнуло и – бумс, прямо в воду. Бедная, бедная, бедная псинка! Я в кино видела!

– Однако... – пробормотала я. – Захватывающий сценарий. Не подскажите, где DVD-диск с фильмом купить можно?

Собачка неожиданно заскулила.

– Солнышко мое, кошечка, пусенька... – начала целовать питомицу Нина. – Твоя мамочка не дура, никогда под поезд не бросится. Скорей уж я кого-нибудь туда сама кину. Тебе, Мумушенька, беда не грозит! Ну, поедем?

Я кивнула и села за руль. Нина высунулась в окно и помахала рукой Пospelовой.

– Эммочка, не волнуйтесь, мы скоро вернемся!

Чтобы прервать процедуру нежного прощания, я резко нажала на газ, «Мерседес» рванул вперед и понесся по шоссе.

– Эй, эй! – испугалась Нина. – Поттише! Тут нельзя летать, я никогда больше двухсот пятидесяти километров на «ламборджинчике» не выжимаю. Горы! Дорога петляет! И Мумушенька испугается. Видели, какая Эммочка страшная? Она в катастрофу попала, ей лицо изуродовало, поэтому ее Антоша сюда и отселил, вот!

– Вы знаете о несчастье, случившемся с Пospelовой? – удивилась я, не отрывая взора от дороги.

– Мы тут все обо всех знаем, – закивала Нина. – А как скрыть? Рано или поздно люди друг другу все рассказывают! От скуки болтают! Во Флоридосе делать не фиг, тока кости соседям языком полировать.

– Эмма не похожа на сплетницу! – не выдержала я.

Нина достала из сумки расческу и стала расчесывать Муму.

– У нее работала в горничных Тамарка, – сообщила мне попутчица после короткой паузы. – Мужики сволочи, сами в Москве кобелируют, сюда пару раз в месяц прилетают, а за женами «глаза» понатыкали. Томка за Эммой шнурком ходила. Конечно, Эммочка противная, грубая, слова хорошего никому не скажет, гав-гав со всеми. Но ей прощают, потому что несчастная. Так вот, Тамарка заболела, ее подменила Катя, сестра Ники из отеля. Но Катя Эмме не понравилась, и она ее выгнала. Катька забыла в доме паспорт. Пришла назад, а Эммочка по дому без всего ходит. Во где кошмар! Катька всем растрепала, и с той поры Эмму люди жалеют. И как это она так умудрилась?

– Несчастья обычно происходят случайно, – вздохнула я.

– Ой, – закивала Нина, – точняк. Че ща расскажу! У Олеськи...

У меня началась морская болезнь. Эта неприятность никогда не случается с людьми на земле, но меня вдруг укачало от беседы с Ниночкой. Жалея, что не взяла никаких таблеток, я решила не слушать попутчицу. А та болтала без умолку.

– У ней любовь случилась с Максом, а он только постояльцев обслуживает. Их Ника поймала и парню пригрозила: «Будешь спать с чужими бабами – уволим». А тот ей и говорит... А она ему отвечает... А он ей... А она ему в рожу... А он ей... Налево!

Я, начисто потеряв нить разговора, нажала на педаль тормоза.

– Что?

– Надо внимательнее рулить, – укорила меня Нина. – Поворачивай, приехали.

«Мерс» замер у двухэтажного дома с вывеской «Лучшие шубы». Похоже, Руфуса, хозяйина фабрики, консультировала подруга Ниночки, поэтому надпись оказалась с орфографической ошибкой.

Моя спутница запихнула безропотную Муму в сумку.

– Ты сколько шуб до сегодняшнего дня купила? – деловито осведомилась Нина.

– Ни одной, – призналась я.

– Значит, ни хренашечки не понимаешь в мехе?

– Верно.

– Тогда молчи, – приказала отвязная девица, – иначе торг испортишь. Предоставь дело мне. Шоколадно срулю!

Удивленная странным глаголом «срулить» и не очень-то понимая, что он обозначает, я покорно поплелась за Ниной. А она пнула дверь ногой и влетела в торговый зал. Где-то под потолком звякнул колокольчик, в ту же секунду появилась молодая женщина в джинсах и футболке.

– Хау ду ю ду, мисс? – бойко произнесла она. А затем начала заикаться: – Ту... э... вонт... э...

– Не умничай! – оборвала продавщицу Нина. – Своих не признала?

– Здравсти, – с явным облегчением ответила та. – Шубку хотите?

– Нет, блин, приехали голову красить! – гаркнула Ниночка и поставила на пол сумку с Муму. – Поглупей чего спроси... Прямо обожаю в меховых лавчонках педикюр делать! Где хозяин?

– Руфус уехал за товаром, – доложила продавщица и расцвела в улыбке. – Я готова вас обслужить, меня зовут Вера.

Нина брезгливо поморщилась:

– Ты-то на все готова, но я не общаюсь с поломойками. Где Руфус?

– Чай, кофе? – запела Вера.

– Руфуса! – гаркнула Нина.

– А вам? – повернулась ко мне Вера.

Я открыла было рот, но тут кто-то подергал меня за брючину. Взгляд машинально устремился вниз. На полу сидела Муму – она явно хотела что-то сказать.

– Это моя глухонемая свекровь, – гаркнула Нина, – она те не ответит, не лезь к бабке. Лады, мы уходим. Хотели купить штук семь-восемь-пять ваших гадостных шуб прислуге в подарок, но раз нас обслужить некому... Пошли, мамуля, здесь не срослось. Через пару километров еще фабричка имеется.

– Анденстенд, пожалуйста, – занервничала Вера, – уно моменто, Руфус уже вернулся.

– Супериссимо, – кивнула Нина. – Ну-ка, прикати нам кресла. Видишь, свекровка пожилая, плохо на ногах держится.

– Битте, сюда, – принялась кланяться Вера, – проследуйте в вип-зону. Чай, кофе?

– Ага. И сразу у столба повеселимся, – нахмурилась Нина, когда мы оказались в другом помещении. – Слетай за хозяином, одна рука здесь, другая там.

Вера вихрем рванула в глубь магазина.

– Какого черта ты обозвала меня своей свекровью? – возмутилась я, поворачиваясь к спутнице. – Разве я выгляжу на сто лет?

– Ой, перестань, – поморщилась та. – Хочешь шубку задарма? Тогда молчи. И потом, сейчас все золотые нити вшивают, эмбриональные клетки колют... Старухе пятьдесят лет, а она на двадцать смотрится! Главное, пасть не разевай, потопчешь малину.

– Здравствуйте, дорогие дамы, – понеслось над залом, и передо мной возник толстый смуглый лысоватый мужчина с глазами-черносливами. – Извините, задержался. Верочка уже показала наши лучшие модели? Вот!

Жестом фокусника Руфус выкатил стойку, на которой покачивались вешалки с шубами. Очевидно, большую часть клиентуры фабрики составляли женщины из России, и Руфус научился почти без акцента объясняться на моем родном языке.

– Норка! – возвестил хозяин и стал перебирать манто. – Шиншилла! Леопард!

Нина закинула ногу на ногу.

– Кошка, – равнодушно отметила она, – крыса и... э... похоже, хомяк. Может, и подойдет кому, но нам надо для горничных. Поэтому носи настоящий мех!

– Этот не фальшивый, – заморгал Руфус, – и я не торгую кошатиной! Вы говорите ужасные вещи! В Греции обожают кисок! Мы их...

– Ага, вы их в каждом доме подкармливаете, – перебила Нина. – Здесь ты не соврал. У вас везде миски с кормом стоят. Да только куда трупы девать? Я же не сказала, что шкуру с живой Мурки содрали... Меня не обдуришь. Я своя! Из Флоридоса!

Руфус закатил глаза.

– И как я сразу не понял... Вера, подай VIP-манто.

Продавщица живо поменяла стойки. На мой взгляд, никакой разницы между увезенными и вновь появившимися шубами не было.

– Норка! Шиншилла! Белый барс! – закатил глаза Руфус.

Я прикусила губу: и еще мексиканский тушкан. Надеюсь, Нина слышала о таком звере? В конце концов, она же могла видеть фильм про двенадцать стульев.

– Я уже сказала: не хотим ерунду из лабораторных мышей, – ледяным голосом заявила Нина. – Вставай, мама, поедem на соседнюю фабрику.

– Зачем нервничать? – заулыбался Руфус. – Покажу эксклюзивный мех. Вера, носи шубы, которые я для своих дочерей приготовил.

Помощница вкатила еще один держатель. Судя по количеству вешалок, Руфус был мегамногодетным отцом.

– Хм, ниче... – смилостивилась Нина. – Вон тот жуткий полушубочек хау матч?

– Ваш вкус безупречен! – закатил лживые глаза Руфус. – Лучшая модель! Подкладка шелк! Цельные шкурки бобра! Износа ему не будет!

Нина встала, лениво подошла к вешалке, тряхнула шубенку и констатировала:

– Гремит.

– Никогда! – энергично замотал головой Руфус. – Нежная, словно сливки.

– Шкурки перетянуты, – возвестила Нина, – передержаны в рассоле.

– Чтоб мне стореть! – подпрыгнул хозяин. – Мы их не отмачиваем!

– И скока за хомячка? – осведомилась Нина.

– Бобр стоит десять тысяч.

– Мама, дай калькулятор... – скомандовала Нина.

Я, не растерявшись, протянула «доченьке» мобильный.

– Значитца, триста баксов, – заявила после краткого молчания Нина.

– С ума сошли! – возмутился Руфус. – Сказал же: десять тысяч.

– Чего? – весьма натурально изумилась Нинуша.
– Долларов, – пояснил Руфус. – Это же бобр!
– Карликовая землеройка, – фыркнула Нина.
– Ладно, для вас девять штук, – слегка сбавил цену хозяин.
– Четыреста баксов и вон тот жилет в подарок, – не растерялась Нина.
– Жилет? – схватился за голову скорняк. – Дизайнерская душегрейка! Украшение подиума! В ней сама Лагерфельд ходила!

Я установилась в пол. Легендарный Лагерфельд мужчина. Хотя, вероятно, у него есть жена, я плохо знаю мир высокой моды. Может быть, мадам Лагерфельд супермодель?

– Ваще! – села в кресло Нина. – Четыреста двадцать.
– Восемь девятьсот.
– Четыреста тридцать.
– Восемь семьсот.
– Четыреста тридцать пять, – меланхолично продолжала Нина. И добавила: – Последняя цена. Ей-богу, грязная, никогда не бывавшая у ветеринара крыса больше не стоит. Кстати! Грызуны – разносчики чумы! Санитарный врач в курсе, чем торгует господин Руфус? Приколльно, если нет. В Пелопонесусе когда в последний раз холера случилась?

Вера отскочила от стойки и стала вытирать ладошки о джинсы. Нина заржала:

– Во, я права! Чего она дергается?
Руфус побагровел и прошипел какую-то фразу по-гречески.
– Чегось? – не поняла помощница.
– Вон пошла! – заревел хозяин по-русски и повернулся ко мне. – Мама, вам ведь нравится?
– Она глухонемая, – живо заявила Нина.
– А разговор понимает, глазами-то как чиркает... – отметил Руфус.
– Это у нее после подтяжки рожу перекосило, – буркнула Нина и, глядя на меня в упор, добавила: – Ни фи́га не слышит, корова тупая, она только по губам читать умеет. Идите, мама, погуляйте по залу. Идите, идите... Мама, валите отсюда!

Я вздрогнула и пошла к окну. Руфус и Нина стали отчаянно торговаться. В конце концов хозяин сдался.

– Ладно, ваша взяла! Пятьсот!
– По рукам, – ответила Нина.
– Вы грабите мою семью, – выдвинул последний аргумент Руфус.
– Это не мои проблемы, – не смутилась Нина. – Эй, Муму, ты где? Муму... Мумушечка! Мумуся! Где моя кошечка? Где? Где?? Где???

Глава 6

Я обернулась и увидела, что Нина пребывает в страшном волнении.

– Ты видела Муму? – кинулась ко мне попутчица.

Помня о своей немоте, я кивнула головой.

– Отвечай по-человечески, – приказала Нина.

– Да, видела, – послушалась я. – Муму сидит в сумке, а ее ты оставила на полу в первом зале.

Нина развернулась и понеслась к двери.

– Кошечка моя! – выла она. – Муму, кисонька, доченька! Если с ней что-нибудь случилось, наш папочка вашу фабрику с землей сровняет! Петенька завтра прилетит, а кисоньки не-е-е-е-ет...

Громкий вопль взметнулся к потолку. Нина исчезла, ухитрившись обогнуть звук. Очевидно, Муму значила для нее слишком много.

Руфус уставился на меня.

– Вы умеете говорить? – изумленно спросил он.

Мне стало неудобно.

– Только сейчас научилась, – заверила я хозяина, радуясь, что хоть Вера не участвует в идиотском разговоре. – От стресса я стремительно обрела речь.

Хозяин крикнул. Но тут в зал внеслась Вера и громко сообщила:

– В клетках с заготовками никакой Муму нет. Там только кошки от Димитроса, сероголубые, с фермы.

Я разинула рот. Значит, Нина была права – мерзкий, улыбчивый, мармеладно-галантный мужик использует шкурки несчастных кисок!

Руфус что-то быстро сказал Вере на греческом.

– Ась? – не поняла та и заверила: – Вы не дергайтесь, я двери в скорняжную заперла, ее кошка по офису разгуливает, в закройную не попадет. Может, подманить хвостатую на сосиску?

– Заткнись, идиотка! – гаркнул Руфус. – Она прекрасно разговаривает и еще лучше слышит!

– Кошка? – заморгала Вера.

– Клиентка, – зашипел хозяин. – Потом сообразишь, лучше ищи эту дрянь!

– Покупательницу? – снова попала впросак помощница.

– С ногами, покрытыми шерстью, не знаю, какую по цвету кошечку ищем, – перешел на гексаметр Руфус. Видно, в школах Греции до сих пор детально изучают творчество Гомера.

Я решила внести ясность:

– Она собака.

– Кто? – хором спросили хозяин и продавщица.

– Кошечка, – уточнила я. – Ну то существо, что в офисе осталось, Муму. Однако опасно разрешать клиентам входить на меховую фабрику с домашними любимцами. Вдруг животное удерет, а скорняки превратят его в воротник? Хотя вы только что сказали: дверь в мастерскую закрыта.

– Не надо повторять глупости! – взвизгнул Руфус. – У нас тут меховое производство, мышей развелось невидимо, и для их ловли мы завели кошек. Наши животные обученные, они шкурки не портят, а обычная...

Я вздохнула и, перестав слушать Руфуса, пошла на вопли Нины. Когда я переступила порог, она стояла посреди помещения и монотонно кричала:

– Муму... Мумуша! Мумуленька!! Мумусик!!!

– Что ты делаешь? – удивилась я.

Нина осеклась.

– Ищу кисоньку, – через секунду ответила она обычным голосом.

– Так ты ее не найдешь.

– А как надо? – спросила Нина.

Я начала осматривать офис, пошевелила занавески, наклонилась под стол, потом заглянула под диван и радостно крикнула:

– Вот же она, в углу! Иди сюда.

– Где? – завизжала Нина. – Кисочка моя...

В ту же секунду в офис влез Руфус с пакетами.

– Здесь ваша шубка, – закурлыкал он, – а еще презенты от фирмы, эксклюзивная сумочка из меха, кошелек...

– Покажите! – Нина моментально потеряла интерес к питомице.

Руфус начал шуршать бумагой, я постучала рукой по полу и тихонечко сказала:

– Муму, ну иди же сюда!

Беленькое тельце поползло вперед, через мгновение я схватила собачку за шиворот. Муму не оказывала никакого сопротивления и повисла в моих руках тряпочкой.

– Эй, – встряхнула я крошку, – ты как?

Муму издала странный звук – то ли стон, то ли плач. Мне стало жаль перепуганную крошку. Очевидно, Муму что-то вроде игрушки для Нины, девица относится к питомице, как к плюшевому мишке, то нянчит ее, то швыряет на пол. Не удивлюсь, если при всей своей внешне безумной любви к собачке хозяйка забывает ее вовремя покормить. Вон какая Муму тощая! И почему она трясется?

– Нина! – позвала я.

– Еще давай плед, – донеслось от стола, на котором стояли пакеты, – сумки маловато будет.

– Нина! – повторила я попытку.

– Меховое одеяло нормального размера, – предприимчивая девица продолжала вымогать у Руфуса подарки. – Ишь, решил кошельком для таракана отделаться... Не выйдет!

– Мадам, покрывало из норки стоит тысячу долларов, – начал торг Руфус.

– Нина-а-а-а! – заорала я.

– Что? – обернулась девица.

Испытывая сильнейшее желание дать нахалке по шее, я собрала в кулак всю силу воли и деланно спокойно сказала:

– Во-первых, мне пора по своим делам. Во-вторых, Муму, похоже, плохо, она колотится в ознобе. Собачка заболела.

– Сунь ее в сумку, – скомандовала Нина, – забирай покупки и иди в автомобиль.

От столь откровенной бесцеремонности у меня потемнело в глазах, и тут Муму, которую я машинально прижала к груди, быстро начала облизывать мой подбородок. Я пришла в себя, собачка-то не виновата, что ее хозяйка хамка. Осторожно положив крохотное тельце в свою сумку, я вышла во двор и села в машину. Нина продолжила торг с Руфусом и не заметила моего бегства.

Добравшись до Пелопонесуса, я притормозила около ресторанчика, на котором пламенела вывеска «Русский сезон». Если учесть тот факт, что название написано на моем родном языке, следовало предположить, что с барменом мне удастся договориться.

В баре хозяйничала хрупкая блондинка. Увидев посетительницу, она быстро затараторила по-гречески.

– Шпрехаєте по-русски? – остановила я ее. И тут же удивилась идиотскому вопросу: ну отчего я вдруг произнесла глагол «шпрехать»?

– А як же ж! – заулыбалась женщина. – Мы с Мелитополю. Чаю хотите? Али кофэ со сливками? Моментом сгоношу!

– Я ищу виллу «Олимпия». Не скажете, где она находится?

– Меня Галя зовут, – заговорщицки улыбнулась барменша. – А тэбэ як?

– Виола, – представилась я.

– Гарно, – одобрила Галя. – А зачем тэбэ «Олимпия»?

– Посмотреть, – обтекаемо ответила я.

– Снять хочешь? – с любопытством спросила женщина.

– Ну... не знаю... Пока просто так, по саду походить решила, – вздохнула я.

– Через Катьку действуешь?

– Это кто?

Галина навалилась грудью на стойку.

– Да ладно тэбе! Пелоппонесус нэвелики, усе друг друга знают, наших здесь як грязи. Кто замуж за грэков вышел, кто, як я, працювать приехал. В Мелонесе, за горой, дом престарелых, там санитарки и медсестры сплошь з Украины. А Катька... Усе про нее ведають. Вот уж кому пофартило! Ейный мужик, Ваня... имя у него другэ, но его не произнести, вот и кличем его Ваней...

– Галя, простите, пожалуйста, – решительно остановила я болтливую бабу, – мне нужно проехать в «Олимпию».

– Катька тэбе наврала, что дом классный и сдаст его ейное хреновое риэлторское агентство задарма? Показала другие виллы за нереальные бабки, а потым про «Олимпию» спела? Так?

Я на всякий случай кивнула, Галя рассмеялась.

– Не верь. У дома страшная история. Там жил большой грэческий чоловік. Он на воровстве попался и в тюрьму сидэ. Жена от срама помэрла, дочка в авиакатастрофе сгинула. Осталась «Олимпия» пустовать. Мужик-то хоть и живы, та за рэшеткой сидэ. Его адвокаты отбивають, но як там и шо, я не ведаю. О деталях Роза в курсе, она по доверенности виллу здае, а деньги на хозяйских законников тратит. Поняла?

– В принципе да, – кивнула я, вспомнив рассказ Эммы про подругу-гречанку и ее отца, обвиненного во взяточничестве.

– Розка – ихняя батрачка, – с радостью, обретя «свежего» слушателя, сплетничала барменша. – Жуткая баба! Сама живэ неизвестно где, а «Олимпию» здае. Но последние два года туда никто не заглядывает.

– Почему? – заинтересовалась я.

– Проклятие Бриджиса, – закатила глаза Галя.

Я удивленно уставилась на нее.

– Жили в Пелоппонесусе две семьи, – нараспев завела барменша, – Калистидасы и Бриджисы. В каждой росло по сыну, оба влюбились в девушку неземной красоты, Оливию. Ну а ей нельзя же за двоих выйти? Пришлось выбирать. Выскочила Оливия за Калистидаса, а Бриджис з горя повесился. Евойная мать на иконе весь род Калистидасов и прокляла. И рухнуло у них счастье, трое деток малыыми помэрли. Думаешь, шо воны в Москву поихалы? Доктор им казал: климат менять надо. Орбитально.

– Радикально, – автоматически поправила я.

– А потом отца посадили, маты помэрла, дочка сгорела в самолете, – не отвлекаясь на мое замечание, загибала пальцы Галя. – Зараз и над «Олимпией» хмары ходют. Кто там селится – и сразу покойник. Год там бизнесмен з Москвы жил, так у него сынишка утоп в море. Потом поляки поселились. Месяцев десять радовались жизни и – згнули.

– Утонули? – подпрыгнула я.

– Разбились на вертолете.

– А при чем тут дом?

– Ну как же, проклятие действует! – объяснила Галя. – Еще трое, значит, на тот свет уехали. Больше людены туда – ни-ни! Катька дом зараз хоть за копейки сдать збирается. Она хитрая, да ее проклятие перехитрило. Сама у Розки дом на пятнадцать лет сняла с правом пересдачи. Думала подзаработать на аренде. И шо? Ха! Привидение видела. Там оно моталось.

– Живое? – не выдержала я.

– Ну – округлила глаза Галя. – С бутылкой! Оно на калитке висело.

– Кто висел, призрак или бутылка? – на полном серьезе осведомилась я.

– Ну... все в черном. Скрыпело, ухало, рыдало. Потом в сад поперло и по дорожке – до виллы. Недавно дело было, – выпалила Галя. – Не сымай «Олимпию»! Помрешь!

У меня закружилась голова.

– А где находится вилла?

– Вниз спускайся, – вздохнула Галя. – Доедешь до перекрестка, бери налево, тама в забор упрешься. Самоубийца ты!

Открыть ржавые ворота я не сумела, зато калитка поддалась легко и неожиданно бесшумно. На секунду мне стало беспокойно, но тут я увидела широкую дорогу, большой белый дом вдаль и, пораженная красотой местности, пошла вперед.

Сама вилла оказалась заперта, окна скрывали ставни, попасть в здание не представлялось возможным. Сад выглядел запущенным. Галя не соврала – здесь явно никто не жил как минимум пару лет.

Я побрела по заросшей травой дорожке, пытаюсь представить себе, как территория выглядела раньше. Похоже, тут было уютно. Впереди останки фонтана, несколько скамеек и нечто, бывшее ранее гамаком... Но мне нужно найти скульптуру кошки. И – вот уж интересное дело! – она обнаружилась сразу, неподалеку от фонтана. То ли Жаклин и впрямь была ясновидящей, то ли она ранее здесь бывала.

Я приблизилась к статуе и погрузилась в раздумья. Эмма велела открутить ей голову. Но каким образом можно проделать такой трюк с гипсовой конструкцией? Или... Я постучала пальцем по спине кошки. Точно! Она металлическая, просто выкрашена белой краской. Значит, на шее у нее вполне может иметься резьба. Надеюсь, у меня хватит сил открутить башку у кошки.

Мои пальцы ухватились за торчащие уши, я напряглась, и в ту же секунду железяка стала легко поворачиваться. Не прошло и минуты, как я держала в руках небольшую коробочку. Конечно, неприлично совать свой нос в чужие секреты, но я, забыв о воспитании, откинула крышку и – ойкнула.

На замшевой подкладке лежал большой, размером с кофейное блюдце, медальон. На его крышке виднелся причудливый вензель, то ли «СК», то ли «ОК», в центре торчал синий, прозрачный камень, и что-то подсказало мне: это не простая стекляшка.

Обратный путь лежал мимо фабрики Руфуса. Еще издали я увидела тоненькую фигурку Нины, обвешанную пакетами. Больше всего мне хотелось проехать мимо, но девица буквально бросилась под колеса.

– Ну, ты даешь! – с возмущением заявила она, когда «Мерседес» притормозил и я распахнула дверь. – Бросила меня! В глуши! Одну! С шубой! Хоть бы предупредила, когда вернешься... Прыгаю на шоссе как дура! Так с друзьями не поступают! Смотри, я пледик выторговала. И сумку. А еще кошелечек. Здорово получилось! Эй, ты не рада?

– Нет, – сухо ответила я.

– Но почему? – заморгала Нина. – Очень удачный день получился. Суперский. Знаешь, а манто отличного качества. Сшито, конечно, по-старперски, но не мне его носить. Гадю-

чина-свекровина от счастья умрет! Хотя такой радости она мне не доставит. Кабы дорогая мама и правда на тот свет от подарка уехала, я бы ей не знаю чего купила. Неужели ты шубке не рада?

– Я не покупала манто.

– Ой, точненько, – протянула Нина, – мы про тебя забыли. Вот что, рули назад!

– Спасибо, не надо.

– Обиделась?

– Нет. Не одобряю убийство животных, – пояснила я. – Обхожусь простым пальто.

Нина притихла, потом снова оживилась:

– Врешь! Я тоже так говорила, когда у меня шиншиллового прикида не было. В лом было признаться, что нищета, вот и корчила из себя гринписовку. Ну не сердись! Эй, Виолочка, вот, держи, сумочка твоя.

Заискивающе улыбаясь, Нина положила мне на колени торбу из ярко-рыжего меха.

– Носи и гордись, – заявила она. – Моднючая штука! Лиса! Натуральная! Редкая! Окрас мраморный.

– Почему он так называется? – я решила из вежливости поддержать беседу. И потом, на Нину невозможно злиться. Неужели вы станете рассказывать крокодилу о здоровом питании? Начнете читать ему лекцию о вреде сырого мяса, об аморальности пожирания живых существ? Даже если вы проделаете все это, толку не будет. Уж такова его, крокодиля, сущность, он рожден аллигатором, а не бабочкой, поэтому вкушать цветочную пыльцу не станет, хищника не перевоспитать. И Нину не переделать, с ней можно либо общаться, либо нет.

– Мраморная, потому что волос в шкурке окрашен в три цвета, – объяснила Нина. – Признак суперского качества. Застежка шикарная и... А зачем тебе такая сумка? Лучше возьми кошелек.

Она быстро произвела рокировку.

– Похоже, портмоне дороже ридикиюля, – еле сдерживая смех, заявила я, – его сшили из шкуры единорога-альбиноса.

– Шутишь? – напряглась Нина.

Я быстро спрятала поделку в бардачок и принялась дразнить Нину:

– Я отлично разбираюсь в галантерейных изделиях, мой бывший муж торговал ими. Единорог, да еще белый, невероятно ценный экземпляр. Спасибо, Ниночка, очень мило с твоей стороны отдать мне лучшую добычу дня.

Нина заморгала, наклонилась было к бардачку, но зависла с протянутой рукой и вдруг сказала:

– Фиг с ним, пусть тебя радует. У меня всяких кошельков – армия. Носи на здоровье! А то несправедливо получится – мне все, а тебе хрен под нос. Не по-дружески.

Я почувствовала раскаяние. Не следовало столь вдохновенно врать! Ниночка оказалась способной на широкий жест. Завтра найду способ объяснить ей, что единороги – сказочные животные, живьем их никто не видел. Хотя, может, милые создания все-таки жили на планете в библейские времена, а наши предки попросту истребили их?

Глава 7

Когда Эмма взяла коробочку, я спросила:

– Она?

Поспелова, ничего не сказав, откинула крышку, схватила медальон и сняла очки.

– Жаклин... – прошептала она, – сейчас... вот тут... должен быть запорчик... Вау, опять!

– Что случилось? – воскликнула я.

– У меня гелевые ногти, – пояснила Эмма, – и я вечно их ломаю. Да ладно, позову Лику, она это исправит.

Я уставилась на указательный палец хозяйки дома – вместо длинной, покрытой оранжевым лаком ногтевой пластинки я увидела нечто короткое, серое, безобразное. Очевидно, огонь, который изуродовал Эмму, затронул кончики пальцев, а сама кисть смотрелась безупречно.

– Видишь? – повторила Эмма.

– Не велика беда, – пожалала я плечами.

– Я про медальон, – зашептала Поспелова. – Смотри, он открылся, здесь фото. Соня! Дядя Костя... платье... Вот, вспомнила! Оно красное, с бисером. Такое только у нее было, то есть... О нет! Нет!

Эмма схватилась за голову и рухнула на диван, медальон выпал из ее рук на ковер. Я подняла его, внимательно посмотрела на небольшой снимок – с него улыбалась девушка – и кинулась к Эмме.

– Ты вспомнила?

– Да, – простонала она и уронила очки.

– Не может быть! Так сразу?

Эмма перестала раскачиваться из стороны в сторону.

– Да, – решительно произнесла она. – Ужасно! Помогите мне...

– Все, что хочешь! – опрометчиво пообещала я.

Эмма надела очки, взяла телефонную книгу, набрала номер и сказала:

– Арий, можешь зайти ко мне? Срочно! С бланком для завещаний. Поторопись, пожалуйста.

– Что ты задумала? – забеспокоилась я.

Поспелова отошла к одному из больших окон и повернулась к нему лицом.

– Все понятно, – прошептала она. – Деньги! Мама оказалась права. Вернее, не мама, но...

Анна Львовна. Господи, отомсти ему!

– Кому? – испугалась я.

– Иезуитский план, – шептала Эмма. – Платье... Да, в нем все дело. И лицо... Скажи, как я выгляжу?

– Просто замечательно, – дрожащим голосом соврала я, – молодая, стройная...

– Прекрати, – оборвала мой лепет Эмма. – Жуткая морда, родная мать не узнает. Да и умерли они!

– Кто? – спросила я.

– Мамы, – почему-то во множественном числе ответила Эмма. – Платье... Второго такого в Москве не было!

Мне оставалось лишь беспомощно наблюдать за страданиями Эммы. Раздался резкий звонок, потом другой. Поспелова поежилась и пошла в прихожую. Мне стало тревожно, но тут хозяйка крикнула:

– Вилка, мы с Арием составим документ, а ты его засвидетельствуешь, ладно?

– Конечно, – подтвердила я и встала у окна.

Вилла Эммы возвышалась над морем, и сейчас перед моими глазами возникло зрелище невероятной красоты. День плавно тек к вечеру, с улицы не доносилось никаких звуков, кроме стрекота то ли цикад, то ли кузнечиков. Полный покой наполнял Флоридос – нирвану, рай для богатых и счастливых. Но у меня почему-то сжимался желудок, а в горле застрял комок. Внезапно послышался далекий грохот, я вздрогнула. Вероятно, там, за горами, бушевала гроза. Значит, вот по какой причине я не могу найти себе места...

– Вилка, – позвала Эмма, – иди сюда.

С трудом передвигая ноги, я дошла до кабинета, поздоровалась с лысым толстяком в белом костюме, подписала несколько экземпляров разноцветных листочков и села на диван.

– Тебе плохо? – озабоченно поинтересовалась Эмма.

– Голова кружится, – вяло призналась я.

– Сегодня рекордно низкое давление, – бесцеремонно влез в чужую беседу нотариус. И добавил: – Сейчас скажу глупость.

– Не стесняйся, – ухмыльнулась Эмма, – никто этому не удивится.

– Живя в стеклянном доме, не бросайся камнями, – в назидательном жесте законник поднял кисть правой руки.

– Это не глупость, а предостережение, – отметила я, кладя голову на подушку.

– Верно. Глупость будет дальше. Мы живем за счет туристов, но лично я никому не советую приезжать в Грецию, – пафосно заявил Арий. – Климат убойный – жара, влажность от моря, ветер! Если с детства к этому не привыкли, то никогда не сможете адаптироваться. И вообще – где родился, там и пригодился.

– Вы тоже эмигрант из России? – спросила я.

Эмма поправила платок.

– В семидесятые годы прошлого века родители увезли Ария ребенком в Израиль. А уж потом его в Сантيري зашвырнуло. Мы, россияне, как тараканы, выживем и после атомной войны. Один на солнышко выползет, а к нему десяток прилепится.

– Подобные качества присущи всем народам, – возразил Арий. Затем выставил вперед толстую ногу и стал перечислять: – Вспомним Чайна-таун в Нью-Йорке, алжирские кварталы Парижа и...

– Все, пока, – безжалостно оборвала его Эмма, – сто раз слышала твои песни. До свидания, дорогой. Видишь, моей подруге, известной писательнице, плохо!

Не успел Арий уйти, как Эмма села в кресло напротив дивана.

– Ты способна воспринимать мои слова?

– Естественно, – кивнула я. – Просто устала. Наверное, Арий прав насчет климата.

– Арий ипохондрик, зануда и балбес, – констатировала Пospelова. – Зарабатывает копейки, живет за счет жены. Хотя... Ладно, главное – я все вспомнила. Все! Жаклин меня не обманула. Гениальная женщина!

– Медальон и правда помог? Не зря ты попросила меня съездить в Пелопонесус? – подскочила я. – Здорово!

– Ну это с какого бока посмотреть, – усмехнулась Эмма. – Понимаешь... В общем, я – Софья.

Я опять села.

– В смысле? Какая Софья?

– София Калистидас, – мрачно уточнила Эмма, – дочь Кости и Оливии. В аварии сгорела не она. То есть не я, а Эмма.

– Прости, но это невозможно, – я сделала попытку образумить Пospelову, – Антон же опознал тебя как свою жену.

Лицо Эммы исказила гримаса.

– Да уж! Интересно, как? Машина полыхала костром. Одно тело превратилось в головешку, второе, то есть мое, было изуродовано почти полностью. От лица ничего не осталось, от волос тоже, сплошная кровавая рана. То проклятое платье... Из-за него все и произошло. Говорю же, я все вспомнила!

– Может, ты попытаешься более внятно изложить события? – взмолилась я.

Эмма обхватила плечи руками.

– Анна Львовна, моя мама... или не моя... Вот черт! Ну как тут внятно рассказывать?

– Давай договоримся, ты – Эмма и сейчас повествуешь от ее имени, – предложила я.

– Ну хорошо, – кивнула Поспелова. – Анна Львовна, моя мама, внезапно умерла от инфаркта. Она была уже немолода, но на здоровье не жаловалась. Понимаешь, если человек ощущает дискомфорт, он обращается к врачам, принимает лекарства и тем самым снижает риск смерти. Но иногда болячки ведут себя почти бессимптомно, что очень опасно. Вот так и с мамой случилось... Ой, не хочу об этом!

– Но надо же разобраться, – справедливо заметила я.

Эмма поежилась.

– Мать так и не смирилась с присутствием в семье Антона. Он вел себя безупречно, но Анна Львовна до самой кончины подозревала его в расчетливости и написала подробнейшее завещание. И она специально подчеркнула: имущество должно достаться только дочери. Если я захочу передать его Антону, то... низзя!!!

– Глупо, – пожалала я плечами, – можно было тебе самой продать квартиру и отдать мужу деньги.

– Антон сказал, когда «восстанавливал» для меня мое прошлое, что я так и решила сделать, – улыбнулась Эмма. – Но собралась расстаться только с дачей, ведь она была оформлена на меня. Столичные квартиры расположены в центре: четырехкомнатные хоромы в Китай-городе, чуть поменьше, стометровые, на Полянке, и однушка в Брюсовом переулке. Стоимость их представляешь?

– Мда, – выдавила я.

– Фазенда же была довольно затрапезная, на Дмитровке, – продолжала Эмма, – но тоже хороший кусок выручить можно. Дом удалось продать влет, доллары попали к Антону, он на них первую выездную лабораторию основал и успел стать лидером в бизнесе. Антон быстро пошел в гору, – прижимая руки к груди, частила Эмма, – поднялся за месяцы. Ну да в девяностых так со многими случалось, главным было, как говорится, успеть занять нишу. Но это произошло уже после автокатастрофы, он начал строить дело после аварии. Я-то очнулась ничего не помня! Антон оживлял мою память, носил фотоальбомы, рассказывал о нашей прошлой жизни, отношениях с мамой. Получается, он вложил в мою голову то, что хотел. Но я не Эмма! Я Софья! Понимаешь?

– Пока нет.

Эмма схватила с дивана плед, завернулась в него и уселась на полу, поджав под себя ноги.

– Нас было трое в машине, – заговорила она вновь. – У меня в памяти ясно высветилось: я смотрю вперед и – бах! А потом тишина. Открываю глаза: белый потолок... Поспелов не пострадал, но он вытащил из горящего автомобиля не жену, а меня.

– Зачем ему спасать чужую женщину, подругу жены? Наверное, мои слова прозвучат жестоко, но в подобных случаях обычно хватают родных, о посторонних не думают. Антон ведь любил жену?

– Он говорил, что они с Эммой обожали друг друга, – звенящим, как натянутая струна, голосом произнесла Поспелова. – Но ведь это он говорил! Вдруг все было не так?

– Антон не мог знать, что супруга потеряет память!

– А вот и нет! – прошептала Эмма, – мне потом медсестра сказала: «Вы не отчаивайтесь, из комы почти всегда с амнезией выходят, но близкие вам помогут все вспомнить. Принесут

фото, покажут домашнее видео...» Пospelов понимал, что я очнусь, ну... не совсем адекватной, и...

– Все равно непонятно. Зачем ему чужая баба?

Эмма сжалась в комок.

– Я вспомнила! Как взяла в руки медальон, сразу и осознала: я – Софи! И еще...

Эмма поднялась и развела руки в стороны. Причем плед она из них не выпустила, отчего стала похожа на гигантскую летучую мышь.

– Дорога... дорога... дорога... – с трудом заговорила она, – мне больно... кто-то тащит меня на обочину... кладет на землю... холодно снизу и жарко ногам... Лицо наклоняется... Антон! Он зовет: «Соня! Соня, слышишь?» Потом... платье... да... платье...

Я вжалась в угол дивана.

– О каком платье ты все время твердишь?

Эмма опустила руки.

– Очень необычный наряд. Анна Львовна незадолго до кончины купила Эмме платье – ярко-красный атлас, на нем сплошняком пайетки, такие пластиковые круглые штучки с дырочкой...

– Знаю, что такое пайетки, продолжай!

– Антон вынес из машины нас обеих, – зашептала она. – Мне досталось очень сильно, а тело Эммы было почти не тронуто огнем. Но она умерла. Я вспомнила! Она лежала на обочине, странно вывернув шею, затылком вперед. И у меня мелькнула мысль: «Эммочка скончалась: у нее сломан позвоночник». Pospelов стянул с жены платье, затем сорвал с меня остатки сарафана...

Эмма обхватила себя руками и стала раскачиваться.

– Мне было не больно – шок. Он держал меня за плечи и говорил: «Ну же, солнышко, помоги, тебе надо переодеться...» Затем поднял Эмму... понес к машине... бросил ее в огонь... да-да... и...

Я вскочила на ноги:

– Хватит! У тебя истерический припадок! А твоя Жаклин мошенница!

– Зачем ей обманывать меня? – простионала Эмма.

– За деньги!

– Она не взяла с меня ни копейки.

– Пока. Она еще потребует гонорар. Наверняка ждет, что ты позвонишь ей, начнешь благодарить. Вот тут ясновидящая и...

– Жаклин не оставила номер телефона, – возразила Эмма.

– Она предполагает, что ты ей сделаешь рекламу, – не сдавалась я. – Во Флоридос приезжают олигархи, и если не они, то какие-нибудь их глупые Ниночки с удовольствием миллионы за гадание отваяют. Жаклин владеет гипнозом, внушила тебе: ты возьмешь медальон и все вспомнишь. Да только это сон разума, порождающий чудовищ! Трансовое состояние сознания! Бред! Глюк!

– Нет, Вилка, – грустно протянула Эмма. – У меня в последнее время возникали вопросы, но ответов я не находила. А сейчас все детали совпали. Как будто в голове что-то щелкнуло, и картинка сложилась. Эмма погибла в катастрофе, а по завещанию Анны Львовны, если дочь умрет, все имущество переходит в руки дальней родственницы. Анна Львовна была предусмотрительна, заставила дочь тоже составить завещание и настояла, чтобы в нем не было упоминаний об Антоне. Грызла Эмму, плакала, шантажировала своим плохим настроением, говорила, что страдает от непослушания неразумной, не разбирающейся в мужчинах доченьки... Короче, Эмма выполнила волю мамы. И что же получилось? Автокатастрофа, Эмма погибла! С чем остается Антон? На тот момент дача еще была не продана, мы ехали как раз на встречу с покупателями. Значит, каюк его мечтам о бизнесе. Недвижимость, коллекция, – все утечет на

сторону. Антону была нужна Эмма! Вот почему он нас передел! Боялся, что я очнусь и скажу: «Меня зовут Софья». Нет, он все хорошо просчитал. И сумел внушить мне, что я – Эмма. Мало ли кто увидит обгоревшую – санитары, врачи... В какой одежде была пострадавшая? Ах в оригинальном платье? А оно было именно у Эммы.

– Ладно, – сдалась я, – пусть так, Эмма умерла. Антон бросил тело жены в огонь, чтобы скрыть следы. Но! Во-первых, такой поступок говорит о не очень-то нежных отношениях в семье. Во-вторых, твои ожоги были очень серьезными, никто не мог дать гарантии, что ты выживешь. Глупо строить расчет на столь зыбком фундаменте.

– Не знаю, – прошептала Эмма, – у меня нет ответа на вопрос, почему он не подумал о моей смерти. Единственное, что приходит в голову, – стресс. Антон после аварии был не в себе, вот ему и показалось, что лучший выход – «обменять» нас.

– Как же это сошло ему с рук? – поразила я.

Эмма вынула сигареты, посмотрела на них и бросила пачку на стол.

– Да элементарно! Вот как он мог рассуждать: мать Софьи умерла. Отец, правда, жив, но находится в греческой тюрьме по обвинению во взяточничестве. Эмма тоже не имеет родственников. У нее есть только он, муж, который утверждает: вот моя жена, жертва аварии. По какой причине люди должны ему не верить, а?

– И все же риск был велик, – вздохнула я. – Вдруг бы кто-нибудь заподозрил неладное?

Эмма сдернула с головы косынку и сняла очки.

– Да кто же узнает меня в таком виде, а?

Мой взгляд скользнул вниз, на небольшие, в белых носочках, ступни женщины.

– Понимаешь, – продолжала Эмма, – пока я, выйдя из комы, лежала в больнице, всем – и мне, и окружающим – было непонятно, зачем Антон так старается, ночи и дни просиживает в палате. Ведь необходимости в его присутствии уже не было. Теперь мне ясно: он вдалбливал в голову выжившей Софье чужую жизнь. И ведь мне действительно стало казаться, что я вспоминаю некие детали. Но сейчас я сообразила: мы же были очень близкими подругами, и часть прошлого у нас с Эммой общая: дни рождения, походы за город, ночевки друг у друга дома... Все проблемы с родителями, арест Константина Калистидаса мы с ней обсуждали. Да я и сегодня могу описать, как гроб с телом Анны Львовны уезжает в печь крематория... Но ведь около покойной стояли и Эмма, и Софья. Чьи воспоминания всплывают из тьмы? Кстати! После того, как меня вернули из клиники домой, Антон перестал заходить в спальню. Ну... понимаешь?

Я кивнула. Эмма снова села на пол и обхватила колени руками.

– Я сначала решила: муж боится сделать мне больно. Потом пришло понимание: я урод. То есть настолько страшна внешне, что Антон лишней раз видеть меня не хочет, не говоря уже о близости со мной. Но супруг остался заботливым – приводил гостей, ходил со мной в театр. Почему? Ответ ясен: ему были нужны деньги Эммы. А любовь к Греции, откуда она у меня? Антон говорил, что Эмме нравилась древняя Эллада. Но ведь она ей не родина! Когда же я привезла урну с прахом и вышла из самолета... Не передать словами мое ощущение: я дома! В общем, сегодня клубок размотался – я Софья. Стопроцентно. Имеется четкое доказательство – ожившие воспоминания.

– Послушай, – устало сказала я, – кроме того, что я пишу детективные романы и мало-мальски умею складывать пазлы, я была женой мента и очень хорошо понимаю: никакие воспоминания доказательством не являются. Улики – да, размышлизмы – нет. Нужно сделать анализ ДНК, и проблема исчезнет.

Эмма заморгала.

– Это как?

– Возьмут образец твоей слюны, сравнят с пробами предполагаемых родственников, и станет видно, кто кому кем приходится.

- У Антона слюну придется брать тайком, – оживилась Эмма.
- Поспелов тут ни при чем, – улыбнулась я.
- Ты же сказала: нужен близкий человек, – занервничала хозяйка виллы.
- Муж и жена не имеют общих генетических корней. Для сравнения пригодны мать, отец, брат, сестра, в том числе двоюродные, троюродные, – перечислила я.
- Эмма вздохнула:
 - Мама давно на кладбище.
 - Иногда образец берут из могилы, – осторожно добавила я. – Конечно, я не являюсь экспертом, но слышала о такой возможности.
- Поспелова заморгала.
 - Оливию кремировали. Анну Львовну, кстати, тоже.
 - Константин Калистидас! – осенило меня. – Нам хватит его. Если ваши ДНК совпадут – он твой отец. Если нет, значит, ты – Эмма.
- Моя собеседница прикусила губу.
 - Не получится, – пробормотала она.
 - Но почему? – удивилась я. – Да, он в тюрьме, но можно объяснить властям эксклюзивность ситуации...
- Эмма нахмурилась.
 - Оливия и Константин Калистидасы удочерили Софью, когда ей была всего неделя от роду и не скрывали сего факта. Софья знала, что ее оставили в роддоме, но никогда не комплексовала по этому поводу.
 - Здорово, – бормотнула я, – вот только ДНК не с чем сравнить.
 - И не надо, – прошептала Эмма. – Есть мои воспоминания. Самое главное – все объясняющие!
 - Ну говори, – махнула я рукой.
- Эмма тщательно завязала косынку.
 - Например. Я лежу на обочине, вижу, как Антон бросает в полыхающую машину труп Эммы. Искры летят фонтаном, невероятно яркие огненные искры. Я не могу пошевелиться, боли не чувствую, словно мне дали наркоз. Звуков не слышу, но зрение четкое, предметы будто увеличены и слегка выпуклы. Ты никогда не надевала чужие очки от дальновзоркости? Если надевала, то поймешь, как изменилось мое зрение.
- Эмма ненадолго умолкла. Потом набрала полную грудь воздуха, широко раскрыла глаза и, неожиданно начав раскачиваться из стороны в сторону, монотонно завела:
 - Лежу. Смотрю. Холодно спине. Жарко животу. Пахнет горелой резиной. Антон берет тряпку. Она пылает. Огонь очень яркий! Подходит ближе. «Дорогая, нам же так надо». О-о-о-о!
- Эмма схватилась за щеки руками и уткнулась лицом в колени. По моей спине пошел озноб, я стала трястись. Поспелова внезапно выпрямилась и твердо закончила:
 - Антон бросил мне на лицо горящую тряпку. Очевидно, во время аварии тело мое обгорело, а лицо осталось нетронутым. Все точно, я София. Антон не мог выдать оставшуюся в живых за свою жену и поэтому изуродовал меня. Анна Львовна была права. Деньги! Он любит только их!

Глава 8

– Ужасная история! – воскликнула я. – Но, вероятно, ты ошибаешься.

Эмма сняла очки.

– Посмотри внимательно! Восстановить мой прежний облик невозможно. И мне еще повезло.

– Ты так считаешь? – пролепетала я.

– Повезло в том, что у нас с Эммой был один цвет радужки, – внезапно с отчаянием засмеялась она. – Поэтому я живу зрячей. А вот если бы у подруги были карие глаза...

– Пожалуйста, замолчи! – взмолилась я.

Эмма встала с ковра и села на диван.

– Я Софья! – торжественно объявила она. – Эй, почему ты молчишь? Надеюсь, не считаешь меня сумасшедшей?

– Иногда человеку снится сон, такой четкий, цветной, натуральный...

– Это не глюк! – возмутилась Эмма. – Теперь я помню все!

– Про аварию?

– Да, – кивнула она. – И не только. Одним словом, я Софья Калистидас и хочу вернуть свое имя.

– Надо спокойно обдумать ситуацию, – проямлила я. – Допустим, все так, как ты утверждаешь. Но для начала вспомни, что твой отец до сих пор сидит в тюрьме. Едва ты заявишь о вашем родстве, как тоже станешь объектом преследования греческих властей. И подумай о папе. Ты же наверняка захочешь увидеться с ним. Да он же сразу заработает сердечный приступ! И Антон так просто не выпустит из рук деньги Эммы. Кто сейчас в вашей семье распоряжается финансовыми потоками?

– Муж. У него есть доверенность на все банковские операции, – ответила Эмма. – Но он отлично зарабатывает. Я ему больше не нужна, даже мешаю.

– Если станешь уверять окружающих, что ты Софья, будет только хуже, – пообещала я, – можешь вместо шикарного дома во Флоридосе очутиться в греческой тюрьме. Сильно сомневаюсь, что там лучше, чем в шезлонге на берегу моря.

– Пусть! – топнула ногой Эмма. – Хочу правды!

– Пospelов примчится из Москвы и объявит тебя сумасшедшей, – предостерегла я. – Запрет тебя в клинике, посадит на лекарства.

– А я буду всем твердить: Антон убийца! – закричала Эмма. – Он... он...

– Можешь сколько угодно говорить психиатрам правду, – пожала я плечами, – они давно привыкли общаться с Наполеонами, Гитлерами, английскими королевами и говорящими банными венниками.

– И что же мне делать? – растерялась Эмма.

– Во-первых, не орать. Сама говорила, что в особняке есть соглядатай, приставленный Пospelовым.

– Прислуга живет в садовом домике, – пояснила Эмма. – Поздним вечером можно разговаривать свободно.

– Ладно, – успокоилась я. – У нас есть два пути. Первый: попытаемся найти человека, который сумеет опознать в тебе либо Софью, либо Эмму. Второй: заставляем Антона признаться в содеянном. Вот если он покается и расскажет правду, тогда все станет на место.

– Действительно, – дернула плечом хозяйка виллы.

– И еще одно. До окончательного выяснения обстоятельств ты – Эмма. Я называю тебя так и считаю законной женой Пospelова.

– Ты сможешь мне? – зашептала она. – Ну скажи «да»! Я ведь совсем одна – ни подруг, ни родственников. В Москве меня давным-давно забыли, я туда не езжу, а в Греции друзей не завела. Да и с кем тут дружить? Здесь лишь Ниночки, эти идиотки в золоте. Мало-мальский интерес я почувствовала к Жаклин, но той друзья не нужны. Умоляю, Вилка!

– Хорошо, – не подумав, ляпнула я. – Но будем действовать осторожно. Кстати, мне очень не нравится Жаклин.

– Ты ее не видела! – возмутилась Эмма.

– Верно, – согласилась я, – есть у меня такой грешок – я могу составить мнение о человеке, не зная его лично. Извини, я очень устала, день был ужасно длинный.

– Намек понят, – улыбнулась Эмма, – иди домой. До завтра. Сомневаюсь, правда, что я усну, буду думать...

– Неплохое занятие, – улыбнулась я, – фитнес для мозга. После завтрака приду к тебе.

– Лучше встретиться на пляже – в особняке будет горничная.

– Точно! Проведем совещание на море, – засмеялась я. – Все будет хорошо. Знаешь, один раз я попала в жуткую ситуацию... И ничего, оклемалась. Жизнь замечательная штука. То, что вечером кажется непреодолимой преградой, утром раскалывается, словно зрелый орех.

– Оптимизм разбушевался, – засмеялась Эмма. – На, держи ключи от машины.

– Зачем? – удивилась я.

– Наверняка понадобится куда-нибудь ездить, – вздохнула Эмма. – А мне без водителя нельзя, поэтому по делам придется мотаться тебе.

– Домработница донесет Антону, что ты отдала автомобиль неизвестно кому, тот испугается и примчится.

– Прислуга в курсе, что я твоя фанатка и готова ради тебя на все, – потеряла руки Поспелова, – У меня тут две тачки, «мерс» и джип Антона. «Мерседес» твой, катайся куда хочешь. Даже лучше будет, если и правда начнешь путешествовать: смотайся в Сантири, в Афины. Ты же на отдыхе! Пусть соглядатаи видят – Арина Виолова развлекается. Где лучше всего спрятать соломинку?

– В стоге сена, – кивнула я.

– О! – подняла указательный палец Эмма. – Точно подмечено. А тайную поездку можно легко замаскировать под экскурсию.

Придя в бунгало, я рухнула в кровать и, несмотря на относительно ранний час, решила заснуть. А что главное для человека, который хочет без проблем отправиться в гости к Морфею? Нужно сказать себе: «Обо всех делах я подумаю завтра».

Я закрыла глаза, произнесла кодовую фразу, перевернулась на живот, вытянула правую руку вдоль подушки... Пальцы наткнулись на нечто мягкое, пушистое. Сон мигом улетучился. Я зажгла ночник и обнаружила в изголовье кровати очаровательную плюшевую игрушку, белую кошечку. Очевидно, Раиса, решив убажить постоялицу, положила мне небольшой презент от отеля. Милый знак внимания, нечто вроде открытки с добрыми пожеланиями.

К глазам подступили слезы. Не считайте меня истеричкой, просто я не помню, чтобы кто-нибудь делал мне подарки без повода. Мачеха хоть и хорошо относилась ко мне, но ей редко приходила в голову мысль меня побаловать. Томочка, с которой мы прожили вместе много лет, а потом расстались из-за моей глупой непримиримости³, любила делать кулинарные сюрпризы. Придешь домой после тяжелого рабочего дня, а на кухне тебя ждут творжные пончики. Но игрушки мы друг другу не дарили. И мой бывший муж, Олег Куприн, не заморачивался знаками внимания. Нет, он не был жаден, но, как большинство мужчин, считал, что кровью и потом заработанные деньги нужно тратить на необходимые вещи: зим-

³ Об истории отношений Виолы и Тамары и об их разрыве читайте в книгах Дарьи Донцовой «Черт из табакерки» и «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

нее пальто, ботинки или, в конце концов, сумку. Плюшевые изделия в топ-лист не входили. Конечно, можно самой приобрести симпатичную поделку, но эффект не тот. А здесь умильная игрушка... Ясное дело, Раиса действует по приказу администрации пафосного отеля, но все равно приятно!

Я погладила кошечку. Надо же, совсем как настоящая, даже теплая. Здорово научились делать имитации. Внезапно игрушка подняла голову.

– Живая! – ахнула я. – Ты откуда взялась? Ну и дела!

– Р-р-р, – деликатно сказала кошка.

Я испытала изумление:

– Собака? Но почему с кошачим хвостом?

– М-м-м, – простонало существо.

– А морда как у болонки, – прошептала я.

Котопес зевнул и пополз ко мне, подергивая носом. И тут меня осенило.

Когда я нашла Муму, то не отдала ее хозяйке. Руки у девицы были заняты пакетами с покупками, и мне пришлось положить сопящую собачку в свою сумку. А потом... потом, я просто не вынула ее! Бросила объемистую торбу в спальне, затем занялась делами Эммы, мы провели несколько часов в разговорах... Муму приучена к переноскам, Нина везде бегаёт с собачкой. Бедная псинка тихо спала, потом выбралась из сумки, походила по бескрайнему номеру и привычно запрыгнула на постель.

– Милая! Ты же, наверное, голодная? Весь вечер ничего не ела... – засюсюкала я, вскакивая с кровати. – Поехали домой! Небось, твоя мамочка в обмороке валяется. Муму! Ау! Отзовись!

– Р-р-р, – тихо прозвучало из подушек.

Я подхватила крохотное тельце, положила в сумку и позвонила Раисе.

– Слушаю, – ответила администратор.

– Говорит Виола Тараканова. Простите за беспокойство, у вас, наверное, уже закончился рабочий день...

– Всегда к вашим услугам. Могу вам чем-то помочь?

– Вы знаете девушку по имени Нина? Она живет во Флоридосе постоянно, в собственном доме, имеет крохотную беленькую собачку по кличке Муму. Я хотела спросить, где этот дом находится.

– Очевидно, речь идет о жене Петра Зарубина, – сказала Раиса. – Ее вилла расположена неподалеку от вашего бунгало. Называется «Нина», в честь хозяйки.

– Огромное спасибо, – обрадовалась я и хотела повесить трубку.

– Госпожа Виола! – вдруг окликнула меня Раиса. – Вы собрались в гости? Извините, если мой вопрос показался вам неуместным.

– Ничего, все нормально. Я познакомилась с Ниной, мы вместе ездили на меховую фабрику. А что?

Раиса деликатно кашлянула.

– Не сочтите это вмешательством в ваши личные дела, но... кхм... кхм...

– Договаривайте.

– Нина – шестая жена Зарубина. Думаю, вам сейчас лучше к ней не ходить.

– Раиса, я способна сама сообразить, с кем мне следует общаться, – сердито сказала я. – Не нуждаюсь в няньках и не спрашивала вашего совета. Спасибо за адрес.

– Петр Зарубин славится взрывным характером, – продолжала Раиса. – Все его супруги, глупые девочки самого юного возраста, – бывшие модели. Всякий раз бизнесмен рвет отношения...

– Огромное спасибо за помощь! – гаркнула я и выключила телефон.

Может, в категоричной форме заявить администрации отеля: «Я не нуждаюсь ни в материнской заботе, ни в излишней опеке обслуживающего персонала»?

На улице было тепло, пахло цветами и опять трещали цикады. Я пошла по тропинке, выходящей между незнакомыми кустами. Наверное, аура пафосно дорогого отеля повлияла на мой мозг, раз я стала злиться на Раису, которая не сделала мне ничего дурного, но сейчас, на свежем воздухе, наваждение прошло. Какая замечательная тишина стоит вокруг, лишь совсем неподалеку стучит дятел: тук-тук-тук... Звук становился все громче и в конце концов стал оглушительным. Если это птица, то она – размером со слона.

Ряд кустов закончился, открылся большой белый дом со ставнями, выкрашенными в цвет неба. Входная дверь тоже оказалась синей, к ней была приставлена лестница, на верхней ступеньке которой стоял черноволосый парень в сером комбинезоне. В руках он держал огромный молоток, которым сбивал название виллы. От слова «Нина» остались две первые буквы, а последние, превращенные в крошево, валялись на темной садовой плитке.

У подножья стремянки спиной ко мне стояла Ниночка. Она азартно подпрыгивала, белокурые локоны металась по ее плечам.

– Эй, чурка! – хриловатым голосом заорала Нина. – Чебурек, очнись! Не спи, работай! Грек молча посмотрел на хозяйку.

– Ну чмо! – возмутилась Ниночка, очевидно, успевшая после нашего расставания простудиться. – Че вытарашился? Работай! Не понимаешь? Фу! Нанялся служить к Зарубину, а по-русски не говоришь. Вот долдон! Работай! Арбайтен, арбайтен! А то свои бабки не получишь.

Нина обернулась, увидела меня.

– Привет, – помахала я рукой.

– О, ты по-русски можешь? – странно обрадовалась девица.

– Естественно, – изумилась я.

– Оклад шикарный, приступай! – рявкнула Нина. – Для начала вымой быстро весь дом. Мне ее запах мерзок.

Я попятилась. Может, Нина подхватила вирус?

– Че буркалы тарацишь? – скривилась она. – Ждешь, пока кто-нибудь тут в морскую свинку превратится? Спорим, это будешь ты! Ну, бери тряпку или катись отсюда!

– Я принесла твою собачку, – осторожно сказала я и вытащила Муму из сумки.

– Ты ваще кто? – поинтересовалась вдруг Нина.

– Я Виола. Мы с тобой сегодня ездили на меховую фабрику. Я вернулась к себе и нашла в своей сумке Муму, – максимально доходчиво изложила я краткую версию событий.

– Вы из наших? – нежно пропела Нина, внезапно растеряв все хамство. – Ох, простите, не разглядела, что одежда приличная, и украшений не вижу.

– Ниночка, – ласково сказала я, – ты хорошо себя чувствуешь?

– Меня зовут Алиса, – заявила девушка и изящной рукой убрала со лба свисающую до глаз густую челку.

У меня отвисла челюсть. Губы блондинки, как и у Нины, явно накачаны гелем, нос идентичной формы, глаза голубые, кудри соломенно-пепельные, фигура стройная, кофточка со стразами, джинсовые мини-шортики расшиты розовыми цветочками. Но вот лоб-то оказался другой формы. Сейчас мне стало понятно: между клонами есть различие.

– А где Нина? – вырвалось у меня.

Алиса подбоченилась.

– Я жена Петра Зарубина. И этот дом теперь будет носить имя «Катя».

– Логично, – кивнула я, – вы Алиса, дом «Катя». Господин Зарубин, наверное, мусульманин?

– С чего вы взяли? – удивилась Алиса.

– Еще утром тут жила его первая жена Нина.

– Ха, первая! – захохотала Алиса. – Шестая она была, прошмандовка. Усе, нету красоты. Петечка ее выгнал вместе с хабаром. Теперь тут мое гнездо.

– А где Нина?

– Сантири, – парень-грек неожиданно обрел дар речи. – Ей нет здесь, он кричать Сан-тири. Мебель тащить, дом купить. Уан, ту, фри, фо, файв – рядом. Сикс к ним.

– Ну ваще! – возмутилась Алиса. – Какого хрена ты со мной не говорил?

– Ты орать, мы думать, – спокойно пояснил грек. – Они кричать. Потом... фу, нет...

Выкинуть их. Вон.

– Он на что намекает? – покраснела Алиса. – Кого выкинут вон?

Грек начал долбить молотком по букве «Н».

– Насколько я поняла, грек сообщил: Нина уехала в Сантири, ей там Петр приобрел жилье, как и предыдущим супругам. Наверное они организовали клуб бывших жен Зарубина, – стараясь убрать из голоса ехидство, пояснила я и пошла на парковку к «Мерседесу».

Глава 9

После тихого сонного Флоридоса Сантири показался мне центром карнавала. Поселок был значительно больше курорта для богачей, тут имелась бездна гостиниц, на каждом углу было по трактиру, по тротуарам шлялись толпы туристов. Очевидно, вечером здесь начиналась самая активная жизнь.

Я притормозила у небольшого кафе, высунулась в окно и спросила у толстого пожилого грека, мирно курившего у входа:

– Простите, где тут у вас район частных вилл?

Старик собрал лоб морщинами.

– Москва? – поинтересовался он.

– Москва, – в тон ему ответила я.

Не говоря ни слова, дедушка исчез внутри заведения, я растерялась. Может, он не любит русских?

– Кто тут из наших? – заорали из харчевни, и на тротуар выскочила крупная тетка в голубом платье. – Чаво хочешь? Поесть? Топай сюды. К другим не ходи, отравуют! Бачишь там красные зонты? Уже трое у них от инфекции загнулись, а у нас...

– Я ищу район частных домов, – перебила я «рекламное выступление».

– Они внизу, – пояснила бабенка. – Кати по проспекту до древнегреческих развалин. Храм увидишь, бери влево. Не заплутаешь. Туда туристы прут, на каменюки побачить. Ну шо за смысл пялиться на то, шо до тебе сломали, а?

– Действительно, – кивнула, усмехнувшись, я, – булыжник он и в Греции булыжник.

Тетка махнула рукой, я поехала в указанном направлении. Миновала останки культового сооружения, повернула на перекрестке и очутилась в ином мире. Свет, шум, гам, веселье остались за спиной, впереди за ажурными заборами стояли белые виллы. Казалось, район вымер, здесь даже собаки не лаяли.

Внезапно до ушей донесся грохот и визг.

– Ваше! Суки!

Я нажала на газ. Похоже, Нина там, выясняет отношения с кем-то из местных жильцов.

Интуиция меня не подвела, через пару секунд я увидела Нину, которая, топая ногами, визжала:

– Осторожнее! Уроды!

Около настежь открытых ворот последней виллы стоял небольшой грузовичок, возле которого суетились смуглые мужчины в комбинезонах.

– Что случилось? – спросила я, выскакивая из «мерса».

Нина замолчала, потом бросилась мне на шею:

– Виолочка, кисонька... Сука! Не ты, он сук. Сукее не встречала. Скот! Мерзотина!

Продолжая выкрикивать оскорбления, Нина села на бордюр тротуара, в то же мгновение один из грузчиков уронил медный кувшин, над дорогой поплыл звон.

– Козлы! – подскочила Нина. – Руки оборву, чурки! Шевелитесь! Арбайтен, арбайтен...

Я потрясла головой. Просто день сурка, честное слово. Интересно, по какой причине олигарх Зарубин совершил рокировку жен? Девушки выглядят одинаково, одеваются под копирку и в разговоре употребляют сходные выражения. Может, не стоило менять шило на мыло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.